

Л. П. ДЕЛЮСИН

«КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» В КИТАЕ

Л. П. Делюсин

**«КУЛЬТУРНАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ»
В КИТАЕ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
Москва 1967**

СОДЕРЖАНИЕ

Начало «культурной революции»	4
Хунвэйбины выходят на сцену.	15
Сопrotивление политике группы Мао Цзэ-дуна	22
Истоки и цели «культурной резолюции»	34

Лев Петрович ДЕЛЮСИН

«КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» В КИТАЕ

Редактор В. Л. Шибает

Художник А. П. Кузнецов

Художественный редактор *Е. Е. Соколов*

Технический редактор *Л. С. Ковалевская*

Корректор *С. П. Ткаченко*

В начале 1966 года антиленинская, авантюристическая политика Мао Цзэ-дуна и его группы ввергла китайское общество в состояние хаоса, смуты и беспорядков. По инициативе самого Мао Цзэ-дуна была развернута широкая политическая кампания, именуемая «великой пролетарской культурной революцией».

Эта шумная кампания, которая не имеет никакого отношения ни к пролетариату, ни к культуре, есть свидетельство внутривластного кризиса, назревавшего в течение нескольких лет в руководстве КПК. Она — логическое следствие полного банкротства антинародной, антисоциалистической линии Мао Цзэ-дуна и его группы, которая завела китайское общество в тупик, оказалась перед угрозой потери власти и теперь пытается спасти свое положение насильственным путем. По своему социальному значению «культурная революция» — это военно-политический переворот антиконституционного, антипартийного характера. Своеобразие этого переворота состоит в том, что он осуществляется правящей военно-бюрократической верхушкой во главе с Мао Цзэ-дуном, авторитет которого стал падать в результате очевидных провалов как во внутренней, так и во внешней политике.

В ходе «культурной революции» Мао Цзэ-дун и его группа, опираясь на умственно незрелую и политически наивную учащуюся молодежь, а главным образом — на армию и органы безопасности, вершат расправу над партийными, профсоюзными и комсомольскими организациями, физически уничтожают многих коммунистов, не согласных с авантюристическим курсом маоцзэдуновской группировки.

«Культурная революция» уже нанесла серьезный удар по социалистическим завоеваниям китайского народа, сильно замедлила его движение по пути социального и экономического прогресса. В ходе этой кампании дискредитируются светлые идеалы человечества: идеи социализма, дружбы народов, мира и гуманизма. И неслучайно поэтому, что подавляющее большинство коммунистических и рабочих партий

мира решительно осудило действия группы Мао Цзэ-дуна как не имеющие ничего общего ни с марксизмом-ленинизмом, ни с пролетарским интернационализмом.

Так, в решениях декабрьского Пленума ЦК КПСС (1966 г.) была поставлена задача решительно разоблачать антиленинские взгляды и великодержавный, националистический курс группы Мао Цзэ-дуна, давать решительный отпор ее раскольническим действиям, усиливать борьбу в защиту марксизма-ленинизма, генеральной линии, выработанной Московскими Совещаниями 1957 и 1960 годов.

В Тезисах ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции» указывается: «Группа Мао Цзэ-дуна стала осуществлять линию, в которой слились мелкобуржуазный авантюризм и великодержавный шовинизм, прикрываемые «левой» фразой, открыто вступила на путь подрыва единства социалистического содружества, раскола мирового коммунистического движения.

Авантюристический курс группы Мао Цзэ-дуна привел к резкому ослаблению позиций Коммунистической партии, рабочего класса Китая, к разгулу мелкобуржуазной, анархистской стихии. Создалась серьезная угроза социалистическим завоеваниям в Китае».

Начало «культурной революции»

Первые признаки надвигающейся «культурной революции» появились в стране задолго до ее официального начала. Еще в 1962 году Мао Цзэ-дун стал вдруг проявлять беспокойство о том, что в Китае ослабевает и затухает классовая борьба. Но, видимо, из-за того, что эта установка не отвечала сложившемуся у других руководителей КПК представлению о внутреннем положении в стране, она натолкнулась на скрытое противодействие. В 1963 году в Китае проводилась кампания по пересмотру театрального репертуара в сторону его «революционизации» в духе идей Мао Цзэ-дуна. Сейчас эта кампания считается «фактическим началом великой пролетарской культурной революции», поскольку инициатором театральной реформы выступили Мао Цзэ-дун и его супруга. Тем не менее мало кто мог тогда предполагать, что эта реформа призвана разрешить вопрос о «сохранении в Китае пролетарской власти», как указывала четыре года спустя китайская печать.

Еще одним сигналом, возвестившим начало «культурной революции», китайская печать считает статью Яо Вэнь-юаня, опубликованную в ноябре 1965 года в шанхайской газете «Вэньхуэй бао». Статья содержала критику

ку драмы известного историка и драматурга У Ханя «Разжалование Хай Жуй». В этой пьесе автор рисовал образ высокопоставленного чиновника, жившего в XVI веке, в эпоху династии Мин. Хай Жуй был несогласен с крайне жестокой политикой императора в отношении народных масс, осуждал ее и выступал за ослабление гнета, в защиту крестьян. В частности, обращаясь к императору, Хай Жуй говорил: «Раньше ты еще делал кое-что хорошее, а что ты делаешь теперь? Исправь ошибки, дай народу жить в счастье. Ты совершил слишком много ошибок, а считаешь, что во всем прав и потому отвергаешь критику».

Опубликование в 1961 году этой пьесы вызвало оживленную дискуссию среди историков, философов и литераторов Китая. Статья Яо Вэньюаня положила конец этим научнообразным спорам. Яо Вэньюань поставил точки над «и», заявив со всей определенностью, что историей в драме и не пахнет, что речь идет не об историческом сюжете, а о современных делах, а именно о нападках на линию Мао Цзэ-дуна. Яо Вэньюань предъявил У Ханю прямое политическое обвинение, назвав его сторонником и защитником так называемых «правых оппортунистов», которые были осуждены в 1959 году за несогласие с политикой большого скачка, народных коммун и малой металлургии. Яо Вэньюань приписывал У Ханю стремление «возродить преступное господство помещиков и кулаков». У Хань был обвинен в «призыве к китайским крестьянам отказаться от народных коммун и вернуться к единоличному хозяйству».

Статья Яо Вэньюаня была перепечатана органом ЦК КПК «Жэньминь жибао» и другими центральными газетами и журналами. В пропаганде ей придавалось значение директивного документа. Этому способствовали слухи о том, что она написана и опубликована по прямому указанию самого Мао Цзэ-дуна. Политическое звучание этой статьи усиливалось и тем, что ее автор был ответственным работником Главного политического управления Народно-освободительной армией Китая. И это было не случайно.

Начиная с весны 1966 года центральный орган армии — газета «Цзефанцзюнь бао» — стал выступать со статьями, носящими директивный характер, оттесняя на задний план партийный орган — газету «Жэньминь жибао». Именно газета «Цзефанцзюнь бао» первой указала на то, что на культурном фронте в Китае действует «антипартийная, антисоциалистическая черная линия», которую необходимо «до конца искоренить». Основная роль в искоренении этой «черной линии» возлагалась на армию, ибо, как подчеркивала «Цзефанцзюнь бао» 18 апреля 1966 года, именно «армия является основным орудием диктатуры пролетариата». И хотя эта газета писала о литературе и искусстве, о культуре, ее передовые статьи преследовали чисто политические цели — поднять значение армии в общественной жизни Китая и особенно в области идеологии. Армия выступила как претендент на роль защитника и пропагандиста идей Мао Цзэ-дуна, книги которого были объявлены «высочайшими директивами». Культурный фронт был всего лишь плацдармом для развертывания наступления в защиту идей Мао Цзэ-дуна на политическом фронте против лиц, недовольных его политикой.

В начале мая 1966 года эта газета прямо указала, что «большая полемика, которая ныне развернулась на культурном фронте, — это отнюдь не вопрос о нескольких статьях,

пьесах или кинофильмах и не какая-нибудь научная дискуссия, а исключительно острая классовая борьба, борьба большого принципиального значения в защиту идей Мао Цзэ-дуна... Это ключевой вопрос углубления и развития социалистической революции в нашей стране на данном этапе, вопрос, связанный с ситуацией в целом, это — первостепенное дело, касающееся судьбы и будущего нашей партии и государства, а также первостепенное дело, касающееся мировой революции».

Газета намекала на то, что в рядах партии имеются некие лица, которые пользуются властью, рядятся в тогу последователей идей Мао Цзэ-дуна, а на самом деле «оказывают сопротивление партийному руководству и с помощью имеющих в их распоряжении средств занимаются антипартийными, антисоциалистическими преступными махинациями». Характерно, что имена этих «преступников» не назывались, и китайская общественность могла лишь строить догадки о том, кто же угрожает социализму в Китае. Не конкретизировалась и суть «преступных махинаций», что также создавало почву для самых противоречивых спекуляций. Армейский орган призывал к повышению бдительности, но не указывал, против кого именно нужно было ее повышать, а между тем провозглашалась не просто борьба, а «борьба не на жизнь, а на смерть». «Преступникам» вменялась в вину связь «с международным антикитайским хором империализма, современного ревизионизма и реакции всех стран».

Такого рода нагнетание страха, запугивание китайского народа неслыханными опасностями, которые якобы ему угрожают, плохо сочетались с заявлениями китайских газет и руководителей КПК о том, что в стране сложилась прекрасная благоприятная обстановка, что на международном фронте китайская дипломатия одерживает одну блестящую победу за другой и что внутри КПК крепнет монолитное единство, сплоченность вокруг Мао Цзэ-дуна. Непонятным было и то, что еще вчера газеты говорили о крупных исторических успехах социализма, о том, что вопрос «кто кого» решен в Китае в пользу социализма, а теперь они заявляли, что Китаю угрожает реальная опасность «реставрации капитализма».

Вскоре было названо имя конкретного носителя бед, угрожавших Китаю. Им оказался Дэн То — один из секретарей Пекинского горкома КПК, бывший главный редактор «Жэньминь жибао». Он был заклеен как «заправила черного притона», который «бешено проводил антипартийную, антисоциалистическую, правооппортунистическую, то есть ревизионистскую линию, выступал рупором реакционных классов и правых оппортунистов в их нападках на партию».

Осуждение Дэн То и его друзей положило начало новому этапу «культурной революции». Она все больше стала приоб-

реть характер политической кампании. Китайская печать, правда, уверяла, что Дэн То и его друзья — всего лишь «бумажные тигры», что «стоит только вытащить их на солнышко, как вскрывается их природа и они рассыпаются». Но и тон критической кампании, и постоянные напоминания о том, что борьба против Дэн То — «это крайне острая классовая борьба между пролетариатом и буржуазией, борьба не на жизнь, а на смерть», свидетельствовали о том, что дело обстоит гораздо серьезнее.

В статьях, публикуемых в «Цзефанцзюнь бао», стали все чаще появляться намеки на то, что у Дэн То есть покровители, которые в свое время будут выведены на чистую воду. Газеты стали вспоминать о венгерских событиях 1956 года, заявлять о том, что «деятельность литераторов-ревизионистов является прелюдией к контрреволюционной реставрации», что если не бороться с «черной линией», то якобы «диктатура пролетариата будет сломлена, исчезнет народная Поднебесная¹ и Китай изменит свой цвет, будет реставрирован капитализм».

Летом 1966 года Китай был потрясен сенсационным сообщением о том, что в Пекинском университете свила контрреволюционное гнездо группа монархистов во главе с ректором и секретарем парткома университета Лу Пином. Последний также обвинялся в попытках очернить идеи Мао Цзэ-дуна и в стремлении реставрировать капитализм. Среди обвинений, предъявленных Лу Пину, фигурировали и такие: в 1962 году он осмелился открыто говорить о необходимости изучения опыта Советского Союза, мотивируя это тем, что «несмотря на ревизионизм, СССР имеет огромные достижения в науке и технике, что выразилось в успехах в деле завоевания космоса». Об этих «преступлениях» было объявлено в написанной студентами стенной газете «больших иероглифов» («дацзыбао»).

Этот донос студентов был назван Мао Цзэ-дуном «первой в стране марксистско-ленинской дацзыбао». Позднее выяснилось, что решение о широкой пропаганде этой «дацзыбао» было принято Мао Цзэ-дуном единолично, вопреки мнению ряда других руководителей КПК. В опубликованной на XI пленуме ЦК КПК «дацзыбао» «Огонь по штабу», написанной, на этот раз самим Мао Цзэ-дуном, он жаловался на то, что не все слушаются его указаний и что «некоторые руководящие товарищи в центре и на местах идут в совершенно противоположном направлении».

Борьба против Лу Пина и других руководителей и профессоров Пекинского университета вылилась в дикую кампанию расправы с «противниками Мао Цзэ-дуна». очевидцы рассказывают о том, что митинги студентов, посвященные осуждению Лу Пина, перерастали в погромы. Членов университетского парткома и профессоров избивали. Их, как бревна, волокли по лестницам, ударами сваливали на пол, на головы одевали колпаки позора. В письме из Китая свидетель такой расправы писал: «На голову критикуемому надевают бумажный колпак или же канцелярскую корзину для использованной бумаги. На колпаках, корзинах, а также на плакате, который прикрепляется на грудь, пишутся обвинения. В таком виде критикуемый, стоя или на коленях, предстает перед разъяренной толпой или собранием, причем каждый присутствующий стремится оскорбить его (толкнуть, схватить за руку, а то и ударить). Ораторы, выступления которых то и дело прерываются возгласами участников митинга или собрания: «За-

¹ Поднебесная — традиционное образное название Китая.

«Защитим ЦК КПК!», «Выметим дочиста ревизионистскую нечисть!» и т. п., перечисляют все грехи критикуемого. Ему самому слова не дается, и он должен молча (иногда в течение двух и более часов) воспринимать «критику». Если же он теряет над собой власть и начинает рыдать, то его снова облачают в дурацкий колпак, и все начинается сначала».

«Разоблачение» ректора и секретаря парткома Пекинского университета Лу Пина послужило поводом для реорганизации Пекинского горкома КПК. Интересно, что при этом о снятии Пын Чжэня, первого секретаря столичного горкома, официально даже не упоминалось. Говорилось лишь о назначении нового первого секретаря Ли Сюэ-фына.

Реорганизация Пекинского горкома сопровождалась шумной пропагандистской кампанией. Пекинский горком обвинялся в «сопротивлении великой пролетарской культурной революции», в «зажиме и преследовании всех пролетарских революционеров, отстаивавших правильную линию товарища Мао Цзэ-дуна», в попытках «замены диктатуры пролетариата диктатурой буржуазии», «в «выступлении против изучения и применения трудов товарища Мао Цзэ-дуна о связи с практикой», в «подготовке общественного мнения для реставрации капитализма и в свержении власти пролетариата» и т. д. По словам журнала «Хунци» (июль, 1966 г.), работники столичного горкома «подавляли и преследовали всех тех рабочих, крестьян, солдат и революционных кадровых работников, которые слушаются председателя Мао Цзэ-дуна и действуют по его указаниям».

События в Пекине послужили началом массовых разоблачений и чисток по всей стране. Под обстрел попали прежде всего работники отделов агитации и пропаганды, газет и журналов, преподаватели университетов и институтов. Всем им предъявлялось одно стандартное обвинение — «выступление против идей Мао Цзэ-дуна». Это рассматривалось как самый страшный грех, ибо, по заявлению газеты «Жэньминь жибао», «подход к идеям Мао Цзэ-дуна является критерием при определении, кто подлинный революционер, а кто псевдо-революционер или контрреволюционер, кто марксист-ленинец, а кто ревизионист. Как в настоящем, так и в будущем тот, кто выступает против идей Мао Цзэ-дуна, является смертельным врагом революции, смертельным врагом народа».

Лозунг «защитим идеи Мао Цзэ-дуна» стал таким образом одним из главных лозунгов «великой революции».

Вскоре опале подвергся бывший заместитель заведующего отделом агитации и (Пропаганды ЦК КПК Чжоу Ян. Еще недавно он был известен тем, что рьяно проповедовал идеи Мао Цзэ-дуна, прославлял его имя, а теперь оказалось, что на протяжении многих лет, начиная с 30-х годов, он только тем и занимался, что подкладывал мину под идеи Мао Цзэ-дуна, пытался ослабить его влияние на развитие литературы и искусства Китая. Чжоу Ян обвинялся в том, что он руководствовался «в области литературы и искусства идеями русских буржуазных литературных критиков Белинского, Добролюбова и Чернышевского, а в области театра — системой Станиславского». В 1961 году на совещании деятелей литературы и искусства в Пекине он якобы заявил о том, что «литература и искусство должны служить народу всей страны», а это, по мнению журнала «Хунци», «есть проявление «ревизионистской черной линии».

Обвинения в проведении «черной ревизионистской линии» были брошены в адрес многих деятелей литературы, искусства и культуры, большинство из которых прошло сквозь тяжелые испытания антияпонской и народно-освободительной войны, против тех, кто, невзирая на террор, на репрессии гомицздановской охранки, тесно связал свою судьбу с делом китайской революции, с судьбой Коммунистической партии Китая. Многие из них стремились лишь не доводить восхваление и возвеличивание Мао Цзэ-дуна до смешного абсурда. Но в условиях культа Мао Цзэ-дуна и это квалифицировалось как тягчайшее преступление.

Непонятно одно: если верить заявлениям приближенных Мао Цзэ-дуна, то большинство руководителей КПК в течение 17 лет после образования КНР проводили «черную» антимаоцзэдуновскую линию, а «прозорливый» Мао не замечал этого. Здесь явно не вяжутся концы с концами.

Инициаторы и руководители «культурной революции», среди которых на первый план все больше выдвигался министр обороны КНР Линь Бяо, чье имя стало неизменно появляться рядом с именем Мао Цзэ-дуна, не ограничивались критикой и осуждением идейных противников Мао Цзэ-дуна. Летом 1966 года в газетах появились обращения к учащейся молодежи не оставаться в стороне от «культурной революции».

Газета «Жэньминь жибао» 1 июня 1966 года обратилась с призывом подтянуть детей на активное участие в «культурной революции».

«Мы должны, — писала газета, — организовать и поощрять детей на активное участие в нынешней великой социалистической культурной революции, чтобы они получили закалку в этой острой ожесточенной классовой борьбе и усилили иммунитет». Газета отмечала, что борьба между пролетариатом и буржуазией, между путями социализма и капитализма «существует не только в школьном воспитании детей, но и в воспитании детей дошкольного возраста». Газета «Жэньминь жибао» призывала «воспитывать детей так, чтобы они «никогда не забывали о классовой борьбе никогда не забывали о диктатуре пролетариата, никогда не забывали ставить на первое место политику и никогда не забывали высоко держать красное знамя идей Мао Цзэ-дуна, и чтобы они хорошо читали книги председателя Мао, слушали его, серьезно следовали его указаниям, стали его хорошими детьми и с детства шли по революционному пути».

Китайские школьники восприняли эти слова как указание к немедленным действиям. 6 июня 1966 года учащиеся женской средней школы Пекина обратились с письмом на имя ЦК КПК и председателя Мао, в котором писали, что, «преисполненные революционным порывом и желая выразить свою последовательную революционность», они предлагают полностью разбить старую систему просвещения. В письме говорилось, что «многие школьники учатся не во имя революции, а для того, чтобы поступить в институты, копаются в книжных кучах, не интересуются политикой». Пекинские школьницы полагали, что подобного рода «буржуазные реакционные мысли порождаются существующей системой экзаменов», которая, по их мнению, «служила интересам реставрации капитализма, играла на руку буржуазным элементам». Исходя из этого, школьницы выдвинули предложение: во-первых, ликвидировать систему экзаменов, во-вторых, оканчивающим средние школы вливаться непосредственно в ряды рабочих, крестьян и солдат. Откладывать это дело до окончания

вуза они считали опасным, «поскольку к тому времени у юношей и девушек может сложиться индивидуальное мировоззрение, которое трудно будет изменить»; в-третьих, если в этом году и есть необходимость принимать в вузы студентов, то пусть их отбор производит непосредственно партия.

Нет особой нужды доказывать, что это движение школьников, направленное против учителей, против экзаменов, было инспирировано сверху. Об этом, в частности, свидетельствует однообразие формулировок, содержащихся в письмах и в устных выступлениях школьников разных городов страны.

Предложение школьников было очень быстро принято, и это лишний раз доказывает, что их «инициатива» планировалась заранее. 13 июня 1966 года ЦК КПК совместно с Государственным Советом КНР постановил провести реформу системы просвещения и набора в вузы «в целях последовательного осуществления культурной революции». Набор в вузы в связи с этим был отложен на полгода (впоследствии этот срок был продлен). Вскоре было принято решение о временном прекращении занятий в школах и в вузах.

Таким образом, к лету 1966 года в Китае образовалась огромная армия совершенно ничем не занятых детей и подростков, которых можно было при дополнительной обработке и организации натравить на тех, кто был неугоден «великому вождю» и его «верному соратнику» Линь Бяо.

Китайская печать продолжала публиковать сенсационные разоблачения. Один за другим, все большими группами вскрывались и разоблачались «враги социализма, вынашивавшие в течение многих лет мечты о реставрации капитализма». В их разряд были зачислены все крупнейшие писатели, художники, композиторы, артисты, историки, экономисты и философы.

Новый толчок «культурной революции» был дан XI пленумом ЦК КПК, состоявшимся в августе 1966 года, который пропагандировался как событие «огромной исторической важности». Пленум официально закрепил великодержавный антиленинский курс Мао Цзэ-дуна и его группы, направленный против единства стран социализма, всего мирового коммунистического движения.

Важность пленума подчеркивалась и тем, что он собрался после четырехлетнего перерыва. Такой длительный перерыв сам по себе был нарушением Устава КПК, принятого на VIII съезде партии осенью 1956 года. Значение XI пленума по мнению китайской печати состояло в том, что он официально закрепил учение Мао Цзэ-дуна как идеологическую основу деятельности всей партии, отодвинув на задний план и совершенно вытеснив марксизм-ленинизм. Это также было нарушением Устава КПК, принятого на VIII съезде.

К началу работы XI пленума ЦК КПК перед китайским народом и Коммунистической партией Китая стояло много

проблем, которые требовали безотлагательного решения. И прежде всего это были проблемы преодоления губительных последствий политики большого скачка и народных коммун. Китайские коммунисты стояли перед вопросом, каким путем, какими методами развивать дальше народное хозяйство страны. Предметом обсуждения мог стать и вопрос о внешнеполитических провалах КНР, которые сильно подорвали престиж и авторитет Китая на международной арене. Пойдет ли Китай по пути сотрудничества с социалистическими государствами или же будет и дальше проводить курс на самоизоляцию? Вернется ли Коммунистическая партия Китая на путь единства и сплоченности с другими коммунистическими партиями или же будет и дальше продолжать свою раскольническую деятельность? Все эти вопросы не могли не волновать китайских коммунистов, весь китайский народ. Но Мао Цзэ-дуна и его группу эти вопросы если и волновали, то совсем в другом смысле. Они беспокоили его лишь в той степени, в какой отвечали интересам удержания власти и дальнейшего раздувания культа личности Мао Цзэ-дуна.

Накануне пленума 1 августа 1966 года в передовых статьях в газете «Цзефанцзюнь бао» и «Жэньминь жибао» было объявлено о «новых указаниях» Мао Цзэ-дуна. «Новые указания» подчеркивали возрастание роли армии во всей общественно-политической жизни страны. Перед армией ставилась задача усилить «работу среди масс и принимать участие в движении за социалистическое воспитание на заводах, фабриках, в деревне». С другой стороны, все предприятия и учреждения обязаны были «брать пример с армии», превратив всю страну в «школу революционизирования, подобную Народно-освободительной армии».

Новые указания характеризовались как «программа последовательного завершения социалистической революции и перехода к коммунизму в Китае, а также программа осуществления в будущем коммунизма во всем мире». В указаниях была вновь повторена установка Мао об ускоренном построении в Китае коммунизма методом большого скачка и народных коммун.

Вновь была вытащена на свет идея об «объединении в одно целое промышленности, сельского хозяйства, военного дела, образования и торговли», как это было в период создания народных коммун.

По мысли Мао Цзэ-дуна, это должно было привести к ликвидации «трех больших различий» (т. е. различий между городом и деревней, между физическим и умственным трудом, между рабочим и крестьянином).

«Идея тов. Мао Цзэ-дуна, — писала газета «Цзефанцзюнь бао», — о том, что предприятия всех отраслей должны превратиться в большую революционную школу, в которой зани-

маются как промышленностью, так и сельским хозяйством, как образованием, так и военным делом, — является нашей программой».

Таким образом, накануне созыва XI пленума ЦК КПК Мао Цзэ-дун ясно дал понять, что его совершенно не беспокоят губительные последствия политики большого скачка, что он не извлек никаких уроков из провалов своей внутренней и внешней политики и что он снова намерен повторить попытку «досрочного вступления в коммунистическое общество», которое опять оказалось «не за горами».

Пленум собрался в обстановке усиленного давления на партийные кадры, в атмосфере обожествления Мао Цзэ-дуна. Участникам пленума журнал «Хунци» открыто заявил о решимости «свергнуть всех, кто выступает против идей Мао Цзэ-дуна, какой бы высокий пост они ни занимали и каким бы «престижем» и «авторитетом» они ни пользовались». Об этом же постоянно твердила армейская газета. Характер решений XI пленума был предопределен заранее — он декларировал господствующее положение идей Мао Цзэ-дуна и его самого в Коммунистической партии Китая. Сделать это было тем легче, что оппозиция (а таковая, судя по всему, существовала и имела своих вождей в лице Лю Шао-ци, Дэн Сяопина и Пын Чжэня) формально никогда не отрекалась от идей Мао Цзэ-дуна и при каждом удобном и неудобном случае клялась его именем.

XI пленум ЦК КПК прошел под знаком «торжества» Мао Цзэ-дуна над своими реальными и вымышленными противниками. «Самая характерная черта этого пленума, — подчеркивал журнал «Хунци», — заключается в том, что он высоко поднял великое красное знамя идей Мао Цзэ-дуна, научно разъяснил значение и место идей Мао Цзэ-дуна в истории развития марксизма-ленинизма». И далее журнал безапелляционно заявлял: «В наше время отрыв от идей Мао Цзэ-дуна означает коренной отход от марксизма-ленинизма».

Если в рядах КПК до этого и находились люди, сомневающиеся в правильности этого положения, то им оставалось или смириться с мнением журнала, или заранее быть готовым к тому, что их зачислят в разряд «контрреволюционной нечисти».

XI пленум опубликовал два документа: «Решение о великой пролетарской культурной революции» и Коммюнике. В Коммюнике подчеркивалось, что работа пленума проходила под непосредственным руководством Мао Цзэ-дуна, а в «Решении» ставилась задача «развертывать среди широких масс рабочих, крестьян, солдат, среди широких масс кадровых работников и интеллигенции движение за творческое изучение и правильное применение произведений Мао, сделать идеи Мао Цзэ-дуна компасом великой пролетарской революции».

Ни в первом, ни во втором документах нельзя найти ни анализа, ни хотя бы постановки вопросов о путях развитии экономики страны. О народном хозяйстве говорилось в общих словах: «Народное хозяйство продолжает развиваться по здоровому пути... Четыре года подряд собирается хороший урожай. На рынке изобилие товаров, цены стабильны» и т. д. Однако свидетельства очевидцев, побывавших в последние годы в Китае, мягко говоря, не подтверждают той оптимистической картины, которая была нарисована в документах пленума.

Основное внимание в документах XI пленума, авторство которых приписывается Мао Цзэ-дуну, было уделено «великой пролетарской культурной революции». Пленум признал, что «культурная революция» встретила сопротивление, сила которого «достаточно мощна и упорна». «Это сопротивление, — отмечалось в решении, — исходит главным образом от тех, кто стоит у власти, пробрался в партию и идет по пути капитализма, а также от силы привычек старого общества». И опять-таки конкретные имена «злоумышленников» названы не были.

Пленум потребовал довести до конца движение за «четыре чистки» (политическую, идеологическую, организационную и экономическую). В целом эта поголовная и всеохватывающая чистка была названа «движением за социалистическое воспитание». На языке Мао Цзэ-дуна «социалистическое воспитание» означало вдалбливание в мозги всего населения его собственных идей.

Все партийные организации были разделены на четыре категории: а) стоящие в самых первых рядах, лучшие ученики председателя Мао; б) не понимающие «великой борьбы», не способные руководить ею и потому оказавшиеся в стороне; в) организации, ответственные работники в которых имеют те или иные ошибки; и г) организации, захваченные теми, кто втерся в партию, стоит у власти и идет по пути капитализма. Если верить этой классификации, то компартия Китая, грубо говоря, разделилась к началу XI пленума на три течения: социалистическое (это — «любимые ученики» Мао. Представители этого течения, несмотря на смелость в проявлении любви к «великому вождю», оказались не в почете); капиталистическое (это — нелюбимые ученики. Они стоят у власти и осуществляют якобы диктатуру буржуазии) и колеблющееся болото (представителям которого не хватает смелости любить Мао Цзэ-дуна).

Согласно решениям XI пленума повсеместно должны были быть образованы группы культурной революции, комитеты культурной революции и конференции представителей культурной революции, а также «другие формы организации, созданные массами». Содержался ли здесь намек на отряды

«красных охранников» или нет, трудно сказать. Во всяком случае, положение о «других формах организации» давало широкий простор для творчества, чем и не замедлили воспользоваться «любимые ученики».

По существу, решения пленума в прямом противоречии с Конституцией КНР и Уставом КПК ориентировали людей, преданных Мао Цзэ-дуну, на создание новых органов власти, наделенных широкими полномочиями для осуществления «великой пролетарской культурной революции». Решение предусматривало, что эти органы будут избираться путем всеобщих выборов. Жизнь показала, что это были пустые слова. Разумеется, ни о каких выборах и речи быть не могло в той смуте, которая охватила Китай после XI пленума.

По международным вопросам XI пленум ЦК КПК вновь подтвердил отказ руководства КПК от сотрудничества с коммунистическими партиями и антиимпериалистическими силами, не согласными с особой концепцией группы Мао. На пленуме было заявлено и о том, что Мао Цзэ-дун и его сторонники будут и впредь считать своей главной задачей борьбу против Коммунистической партии Советского Союза. Эту борьбу они будут вести бескомпромиссно, «до полного победного конца». Руководство КПК во главе с Мао Цзэ-дуном категорически отвергло даже саму идею о возможности совместных действий в борьбе против американской агрессии во Вьетнаме. Поддержка, оказываемая Советским Союзом вьетнамскому народу, была названа «контрреволюционной и двурушнической»,

В документах XI пленума был официально подтвержден антисоветский курс, проводимый на протяжении последних лет руководителями КПК. Таким образом, «культурная революция» была непосредственно увязана с усилением антисоветской кампании. Чтобы партия и народ сумели пережить эту новую антисоветскую стряпню, она была сдобрена вымыслом о мифическом «новом контрреволюционном священном союзе», в котором якобы объединились СССР и Соединенные Штаты Америки.

Международное коммунистическое движение единодушно осудило решения XI пленума ЦК КПК как документ, проповедующий раскольническую политику, играющий на руку империалистам, чуждый марксизму-ленинизму.

В постановлении декабрьского (1966 г.) Пленума ЦК КПСС указывается: «...решения XI пленума ЦК КПК свидетельствуют о том, что великодержавная, антисоветская политика Мао Цзэ-дуна и его группы вступила в новую, опасную фазу. Курс, который нынешние руководители КПК проводят на международной арене; их политика по отношению к социалистическим странам; враждебная кампания против кашей партии и советского народа и раскольнические дейст-

вия в международном коммунистическом движении — все это не имеет ничего общего с марксизмом-ленинизмом. Такая политика, такие действия наносят ущерб интересам социализма, международного рабочего и освободительного движения, социалистическим завоеваниям самого китайского народа и объективно оказывают помощь империализму».

Хунвэйбины выходят на сцену

После опубликования документов XI пленума ЦК КПК происходит расширение масштабов «культурной революции», связанное с появлением на политической сцене Китая отрядов «красной охраны» (хунвэйбинов). Эти отряды были созданы явно по указаниям приближенных Мао Цзэ-дуна. Усиливается и антисоветский характер «культурной революции».

Первые группки «красной охраны» появились в Пекине; уже до XI пленума. Правда, они действовали еще робко, с оглядкой. Они хулиганили, издевались над «крамольниками», заподозренными в недостаточной любви к Мао Цзэ-дуну, но в их поведении еще наблюдалась некоторая неуверенность. Видимо, не все дети и подростки были убеждены в законности этих хулиганских действий. Да и взрослые иногда останавливали их словами: «Зачем вы, ребята, безобразничаете?», «То, что вы творите, ни на что не похоже!», «Вас за это потом по головке не погладят!». Эти замечания, судя по письмам хунвэйбинов, опубликованным в августе 1966 года в «Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао», в известной степени охлаждали пыл подростков, особенно тех, которые сохранили еще остатки совести. Но их сомнения были рассеяны самим Мао Цзэ-дуном.

18 августа 1966 года Мао Цзэ-дун на площади Тяньаньмынь устроил смотр «красным охранникам». Описание этого смотра дает «Жэньминь жибао». По ее словам, увидев «великого вождя, великого полководца, великого учителя», юноши и девушки «пришли в восторг, начали прыгать и петь «В открытом море не обойтись без кормчего». Сам Мао Цзэ-дун благословил хунвэйбинов, сказав своему ближайшему соратнику Линь Бяо, что «это очень большое движение. Оно поистине мобилизовало массы. Оно имеет величайшее значение для революционизирования сознания людей всей страны».

Не случайным было и то, что Мао Цзэ-дун появился на митинге в военной форме: этим он дал понять, на какие силы опирается и кто за ним стоит. Сам он на митинге не выступал, за него и от его имени говорил министр обороны Линь Бяо.

Описание митингов и встреч хунвэйбинов со своим «самым, самым великим командующим» показывает, что все это стихийное проявление верноподданнических чувств, демонстрация «единства между вождем и массами» были тщательно продуманы и спланированы. Возможно, что многие из участников этих манифестаций искренне выражали свои чувства, находясь в состоянии экзальтации и психической неуравновешенности. Но за их спиной работала опытная режиссерская рука. И мало кто из участвовавших в представлении понимал, что ими управляют тонкие нити, приводимые в движение мастерами политических интриг и провокации.

Митинг на площади Тяньаньмынь (а за ним последовала целая серия «исторических встреч» вождя со своими юными почитателями) окрылил «красных охранников». Мао Цзэ-дун, освятив своим именем их действия, избавил их от угрызений совести, уверил в полной безнаказанности и

правомерности их поведения. Их теперь ничто не стесняло, не связывало, не ограничивало. И они начали действовать. Описание их подвигов оживило страницы многих зарубежных газет, ибо никто не мог и представить себе, до какого нравственного одичания можно дойти в нашу эпоху.

Невежественные и неопытные юноши и девушки, одурманенные своим «величайшим кормчим», грудью встали на его защиту. Они начали менять старые, традиционные названия улиц и площадей Пекина на «революционные», «антирревизионистские», «антиимпериалистические». Не остались без их внимания и вывески магазинов, ресторанов, парикмахерских, швейных, сапожных и иных, мастерских. Они предложили изменить назначение светофорных сигналов, ибо, по их мнению, «двигаться вперед можно только на красный свет», поскольку «красный цвет — это цвет революции, а зеленый символизирует яд». По их требованию из магазинов были убраны одеколон, духи, пудра и другие парфюмерные изделия, которые заключали в себе «опасность буржуазного разложения».

Корреспонденты сообщили из Пекина: «Всем носящим узкие брюки и остроносу обувь в двухдневный срок предлагается расширить или укоротить брюки, а из остроносых ботинок, «если жалко выбросить», сделать босоножки. Если по истечении двух дней на ком-либо будут замечены такие брюки и обувь, то прямо на месте брюки будут укорочены, а носки ботинок обрезаны.

«Красные охранники» предложили в обязательном порядке украсить все жилые и общественные помещения портретами и изречениями вождя. Портреты Мао Цзэ-дуна и плакаты с цитатами из его статей были вывешены в автобусах, трамваях, троллейбусах. Шоферы и рикши также не были освобождены от этой «идеологической повинности».

С особой яростью и с особым ожесточением набросились «любимые ученики Мао» на произведения культуры, литературы и искусства. Книжные магазины получили инструкцию «сохранить только ту литературу, которая соответствует идеям Мао Цзэ-дуна, остальное сжечь! Срок исполнения 72 часа». И запылали огни па улицах Пекина. В костры или в мусорные ящики полетели книги Шекспира и Горького, Пушкина и Гете, Роллан Роллана и Бальзака.

«Революционные учащиеся» не оставили без внимания и музыку. Они потребовали прекратить выпуск и изъять из магазинов грампластинки с записями «феодалных, буржуазных и ревизионистских» произведений. Таковыми были объявлены шедевры Баха, Бетховена, Моцарта, Листа, Шопена, Чайковского, Шостаковича и других.

Поход против культуры совпал с новой вспышкой антисоветских демонстраций. В течение нескольких дней организованная и соответствующим образом настроенная толпа подростков и детей, в том числе и воспитанников детских садов, шумела и бесчинствовала у ворот Советского посольства в Пекине. Улица, ведущая к посольству, была заклеена плакатами и лозунгами, призывающими расправиться с советскими ревизионистами. Одна из прокламаций гласила: «Мы расправимся с вами! Сдерем с вас шкуру! Вытянем все жилы, а пепел развеем!»

Бесчинства у Советского посольства не были проявлением стихийного возмущения, как это пыталась изобразить китайская пропаганда. В толпе, собравшейся у посольства, находились и взрослые, они дирижировали выкриками, направляли действия толпы. Были расставлены репродукторы, усилившие антисоветские выкрики, чтобы навести страх на сотрудников Советского посольства. Полицейские заботливо

следили за соблюдением порядка. Режиссеры этого антисоветского спектакля не были заинтересованы в присутствии иностранных зрителей. Поэтому в район Советского посольства был затруднен доступ иностранных корреспондентов.

«Красные охранники» с благословения организаторов «культурной революции» начали погромы в Пекине. Дома «преступников», т. е. тех, «кто выступает против Мао Цзэ-дуна», отмечались специальными знаками.

Китайская печать настойчиво и систематически разъясняла населению страны, партийным организациям, что «красные охранники», «революционные учащиеся» пользуются поддержкой сверху и им нельзя ни в чем препятствовать.

Газета «Жэньминь жибао» указывала в передовой статье: «Революционная молодежь и дети Китая являются самыми решительными защитниками и надежными продолжателями пролетарской революции». «Все революционеры, — заявила газета «Бэйцзин жибао», — должны отбросить никчемную чванливость и искренне стать учениками, скромно учиться у маленьких застрельщиков революции».

23 августа 1966 года газета «Жэньминь жибао» в передовой статье подчеркнула, что «все действия революционных организаций революционных учащихся» — «это действия революционные и законные. Кто выступает против революционных действий революционных учащихся, тот идет прямо в разрез с указаниями председателя Мао Цзэ-дуна и нарушает постановление Центрального Комитета партии».

Значение этой статьи, опубликованной в центральном органе ЦК КПК, в том, что она без всяких двусмысленностей поставила отряды «красной охраны» над партийными организациями, приказав последним вести себя смиренно и послушно.

«Партийная организация любого учреждения или района, — предписывала «Жэньминь жибао», — должна безоговорочно придерживаться линии масс, принимать контроль и критику со стороны народных масс, для нее абсолютно недопустимо отказаться от критики со стороны масс или зажимать ее под каким бы то ни было предлогом». И далее газета обращалась с риторическим вопросом: «Почему нельзя критиковать партийную организацию того или иного учреждения или района, почему нельзя выступать против нее, если она идет вразрез с правильным руководством Центрального Комитета партии во главе с товарищем Мао Цзэ-дуном, идет вразрез с идеями Мао Цзэ-дуна!»

Газета прямо подсказывала «красным охранникам», чтобы они, «применяя идеи Мао Цзэ-дуна, смелее критиковали ошибки партийных комитетов», и что для этой цели они «имеют право устраивать уличные шествия и демонстрации, пользуются свободой собраний и митингов, свободой союзов,

свободой слова и свободой печати». Словом, свобода была предоставлена безграничная, и при этом никакой ответственности, кроме как перед «великим кормчим». Таким образом, «красные охранники» получили огромные права. Они были официально названы ударной силой «культурной революции».

Подбадриваемая и подстрекаемая сверху учащаяся молодежь, запугав обывателей, повела атаку на партийные организации. Видимо, на первых порах не все партийные работники осознали, что «красные охранники» действуют по прямому указанию свыше, что отныне именно школьники и студенты наделены высшей властью. В ряде мест партийные комитеты пытались с помощью рабочих и крестьян оказать противодействие юным хулиганам. Но сверху последовал окрик. Газета «Жэньминь жибао» дала недвусмысленный совет: покориться и не сопротивляться!

«Ответственные работники некоторых мест, некоторых ведомств,— писала «Жэньминь жибао» 11 сентября 1966 года,— выискивают различные предлоги, чтобы подавлять массовое движение. Они даже подстрекают часть не понимающих действительного положения рабочих и крестьян на выступления против революционных учащихся, возбуждают антагонизм к революционным учащимся. Наши рабочие и крестьяне должны протереть глаза, повысить бдительность, не позволить никому, ни под каким предлогом, ни в какой форме подстрекать рабочих на борьбу против учащихся». Работам и крестьянам, таким образом, ясно намекнули на то, что поддержка ими парткомов будет считаться незаконной.

Руки у «красных охранников» были развязаны, и начался разгром партийных комитетов, комсомольских организаций и профсоюзов. В Пекине, Тяньцзине, Харбине, Ухане, Хэфэе, Сиани, Гуанчжоу, во многих провинциальных и уездных городах Китая «хунвэйбины» врываются в здания комитетов КПК, вытаскивали оттуда секретарей, ответственных работников и требовали от них признания в своих ошибках, в отступлении от идей Мао Цзэ-дуна. И если верить китайской печати, таких оказалось чрезвычайно много. Ведь сперва говорилось о «небольшой горстке», теперь же речь шла уже о довольно многочисленном слое партийных работников, «зараженных ядом ненависти к председателю Мао».

Если подсчитать, скольким членам ЦК КПК были предъявлены обвинения в отступничестве, то станет ясно, что группа Мао Цзэ-дуна не обладала в ЦК КПК большинством и поэтому не могла бороться с оппозицией обычным демократическим путем, опираясь на положения Устава КПК, принятого на VIII съезде.

Нагнетая атмосферу страха и хаоса в стране, запугивая

и ошеломляя своими действиями население и партийный актив, хунвэйбины должны были служить средством нажима и давления на «тех, облеченных властью», которые были не согласны с идеями и установками Мао Цзэ-дуна.

В начале «культурной революции» имена этих «облеченных властью» не назывались. Обстрелу подвергалось лишь низшее и среднее звено партийных работников. Но постепенно, сперва глухо, в иносказательной форме, а затем все более открыто и громко стали называться конкретные имена «врагов Мао Цзэ-дуна». Ими оказались председатель КНР Лю Шао-ци, который до последнего времени считался «правой рукой Мао Цзэ-дуна» и его преемником, и генеральный секретарь ЦК КПК Дэн Сяо-пин.

В ноябре 1966 года началась массированная атака против Лю Шао-ци и Дэн Сяо-пина. Теперь уже не оставалось никакого сомнения, что именно они и есть те самые «облеченные властью», они — та главная мишень, по которой и вели огонь руководители «культурной революции». Лю Шао-ци был объявлен хунвэйбинами «ревизионистским черным командующим», а Дэн Сяо-пин — «главарем номер два». «Красные охранники» Пекинского педагогического института, проявляя осведомленность в закулисных делах руководящего ядра КПК, писали в листовке, что Лю Шао-ци уже давно, чуть ли не до победы народной революции, якобы «мечтал о реставрации капитализма».

По приказу Мао Цзэ-дуна с конца 1966 года в китайской печати развернулась кампания против известной книги Лю Шао-ци «О работе коммуниста над собой». Хунвэйбины состязались между собой в красноречии, стремясь переплюнуть друг друга в ругательных эпитетах по адресу этой книги. Некоторые из них доходили до того, что свои отрицательные качества, такие, как лень, распущенность, склонность к раболепию и подхалимажу, высокомерие и спесь по отношению к товарищам, объявляли результатом порочного и разлагающего влияния работы Лю Шао-ци, которая якобы «проповедует растленное буржуазное мировоззрение».

Полезно в этой связи напомнить, в каких условиях и по какому поводу Лю Шао-ци выступил со своими лекциями, составившими ту книгу, которая осуждена ныне, спустя 27 лет после своего появления на свет, как «ревизионистская, антимарксистская и идеалистическая».

В тот период Мао Цзэ-дун и его сторонники, среди которых главное место занимал Лю Шао-ци, боролись против так называемых «догматиков», к которым причислялся Ван Мин и Бо Гу. Лю Шао-ци был активным участником этой внутрипартийной борьбы, одним из наиболее ревностных проповедников и защитников «идей Мао Цзэ-дуна». Именно он широко пропагандировал формулу об идеях Мао как о «китаизированном марксизме».

Именно с целью оказать теоретическую поддержку Мао Цзэ-дуну Лю Шао-ци и выступил в июле 1939 года в институте марксизма-ленинизма в Яньане с серией лекций. В них он пересказывал и популяризировал взгляды Мао Цзэ-дуна, называя последнего «нашим вождем» и часто ссылаясь на него.

Но ирония судьбы такова, что лекции, прочитанные в защиту Мао Цзэ-дуна, осуждающие его врагов, ныне звучат как упрек в его же адрес. Верный слуга и преданный соратник сейчас облян и обруган мао-

цзэдуновскими штурмовиками, которые иступленно кричат о своем намерении разбить собачью голову тому, кто закладывал первые кирпичи в пьедестал культа Мао.

Конечно, можно понять ярость и возмущение хунвэйбинов, когда они читают следующие фразы из книги Лю Шао-ци: «Они довольствуются зубуриванием отдельных положений и выводов и даже выдают себя за «настоящих» марксистов-ленинцев. Но этих людей никак нельзя назвать настоящими марксистами-ленинцами, их образ действий в корне противоречит марксизму-ленинизму». Естественно, что эти слова воспринимаются сегодня хунвэйбинами как сказанные в их адрес.

А разве может не морщиться от злости Мао Цзэ-дун, читая следующее замечание: «Ничего не смысла в марксизме-ленинизме и лишь жонглируя марксистско-ленинской терминологией, они мнили себя «китайским Марксом», либо «китайским Лениным», строили из себя Маркса и Ленина в партии. Более того, они без зазрения совести требовали от членов нашей партии, чтобы их уважали, как Маркса и Ленина, чтобы их поддерживали как «вождей», чтобы к ним питали верность и любовь».

Надо оговориться, что здесь Лю Шао-ци несколько устарел. Сейчас Мао Цзэ-дуну и его приближенным мало, если его только приравняют к классикам марксизма-ленинизма. Ему хочется сидеть не у подножия горы, а на ее вершине. В выступлении перед служащими военной академии соратник Мао Цзэ-дуна Линь Бяо заявил: «Никто и ничто в мире не может заменить идей Мао Цзэ-дуна. Марксистско-ленинских книг очень много, и всех их не прочесть, притом они очень далеки от нас. На 99 процентов мы должны изучать произведения Мао Цзэ-дуна». Предложив покончить с недооценкой идей Мао и осудив «заблуждающихся людей» за их уважение к Советскому Союзу, за недовольство вытеснением марксизма-ленинизма и подменой его маоцзэдунизмом, Линь Бяо заявил: «Председатель Мао намного выше Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина... Такой талант появляется в мире раз в несколько столетий, а в Китае — раз в несколько тысячелетий».

Но вернемся к злополучной книге Лю Шао-ци, который более чем четверть века назад заявлял, что коммунист не должен хотеть, чтобы «другие угождали ему», что он не должен гнаться за личной славой, «он не должен иметь каких-либо личных целей и корыстных устремлений, идущих вразрез с интересами партии. Он не должен думать только о самом себе и предъявлять партии массу претензий, жалуясь на то, что его не выдвигают и не вознаграждают».

Видимо, сегодня книга Лю Шао-ци служит для Мао Цзэ-дуна своеобразным зеркалом, которое объективно и без лести показывает ему внутренние черты его характера. «Наши партийные массы, — говорил Лю Шао-ци, — не поддержат и не признают своими вождями людей, которые свойственны зазнайство, индивидуальный героизм, самовыпячивание, честолюбие и тщеславие».

Лю Шао-ци осуждал и тех, которые «думают только о том, как бы повысить свое положение в партии, и пытаются достичь этой цели путем нанесения ударов и причинения ущерба другим. Они завидуют тем, кто лучше их; думают только о том, как бы оттащить назад опередивших их, не хотят играть вторую скрипку и заботятся только о себе, не считаясь с другими... они стремятся искусственно вызывать и раздувать беспринципные споры особенно в трудные для партии моменты. Словом, это насквозь испорченные люди, у которых нет ни грана честности».

Не удивительно, что «Жэньмньн жибао» называет книгу «О работе коммуниста над собой» острием борьбы, направленным непосредственно против нашего великого вождя Председателя Мао».

В известном смысле с этим можно согласиться, ибо автор книги подвергает критическому анализу и осуждению именно такие нездоровые и вредные качества самовлюбленных и самодовольных деятелей, которые демонстрирует сегодня Мао Цзэ-дун. В портрете, нарисованном в книге

Лю Шао-ци, Мао узнал самого себя, хотя прекрасно знает, что моделью для портрета явились другие люди.

Для нас небезынтересен и сделанный Лю Шао-ци анализ причин, порождающих появление описанных им уродливых фигур в Коммунистической партии Китая. По его мнению, это во многом объясняется тем, что такие люди «вышли из разных слоев китайского общества, где до сих пор существуют эксплуататорские классы с их влиянием и дурными пороками — своекорыстием, интриганством, бюрократизмом и т. д.». «Что удивительного, например, в том, — спрашивает Лю Шао-ци, — что человек, только что выкарабкавшийся из грязи, не чист от нее?»

В книге Лю Шао-ци вскрываются недостатки внутривнутрипартийной работы, мешавшие преодолению и устранению отрицательных явлений в жизни КПК. «Недостает зачастую, — жаловался Лю Шао-ци, — действительно серьезной, ведущейся по-партийному, искренней критики и самокритики, которая вскрывала бы недостатки, ошибки и отрицательные явления внутри партии, позволяла бы преодолеть и устранить их; особенно недостает самокритики и критики снизу, которые мы должны всемерно поощрять».

Опыт недавних дней и особенно «культурная революция» показывают, что в компартии Китая критика и самокритика так и не стали нормой, законом ее деятельности. Не получила своего развития и внутривнутрипартийная демократия. Культ Мао Цзэ-дуна создал душливую атмосферу внутри партии, от чего пострадали видные китайские коммунисты-революционеры, от чего в бедственное положение попала вся партия. Жертвой культа Мао Цзэ-дуна стал и Лю Шао-ци, который сам принимал активнейшее участие в восхвалении Мао Цзэ-дуна, в безмерном прославлении его идей, в раздувании его культа.

Но в последние годы Лю Шао-ци, видимо, уже и сам не мог терпеливо сносить своеобразие и самодурство Мао Цзэ-дуна во внутренней и внешней политике. Видимо, он стал сознать, сколь губительным является для китайского государства и партии культ личности Мао Цзэ-дуна. Лю Шао-ци в какой-то мере явился выразителем оппозиционных настроений в рядах КПК, надеждой тех, кто стремился пересмотреть ошибочные установки Мао Цзэ-дуна, чья политика стала сильнейшим препятствием на пути развития Китая как социалистического государства.

Мы не знаем, насколько открыто и прямо выражал свои взгляды Лю Шао-ци. В условиях культа Мао Цзэ-дуна столкновение различных мнений, тенденций, направлений в политике и идеологии происходит в уродливой форме. Внутривнутриполитическая борьба ведется не открыто, а путем закулисных интриг, сделок, сколачивания группировок и блоков на беспринципной основе. Словом, политика уступает место политиканству. В спорах отсутствует четкая аргументация. Беспокоятся не о том, чтобы доказать неправоту противника, а о том, какое похлеще придумать ругательство. Противника стараются главным образом оболгать, сочиняя о нем различного рода небывлицы. Так и Лю Шао-ци сегодня обвиняют в том, что он и в партию, дескать, вступил только для того, чтобы бороться с Мао Цзэ-дуном. Невежественные хунвэйбины ругают Лю Шао-ци за высказывания, которые являются перефразировкой слов самого Мао Цзэ-дуна. При этом

изобретаются всякого рода домыслы на счет того, что говорил, и писал Лю Шао-ци одно, а думал, мол, по-другому. Было бы, конечно, наивно искать в ругани и брани каких-либо доводов и аргументов. Там, где действуют палка и кулак, где главными героями дня выступают китайские держиморды и унтеры пришибеевы, там нет возможности силой слова и мысли доказывать правоту своих позиций.

Сопrotивление политике группы Мао Цзэ-дуна

Собственно говоря, попытки сопротивления действиям группы Мао Цзэ-дуна, направленным на устройство поголовной чистки в партийно-государственном аппарате, а также в общественных организациях, предпринимались еще до того, как на сцене появились хунвэйбины. Еще в феврале 1966 года некоторые руководители ЦК КПК (Пын Чжэнь и другие) пытались противопоставить установкам Мао Цзэ-дуна свои тезисы. В этих тезисах признавалась необходимость организации свободных дискуссий и обмена мнениями по научным и теоретическим проблемам, содержалось предостережение против приклеивания ярлыков историкам, философам, писателям и другим представителям творческой интеллигенции. В скрытой форме тезисы содержали критику неоднократных указаний Мао Цзэ-дуна о разжигании классовой борьбы в стране. В иносказательной форме в тезисах осуждались попытки насадить в стране абсолютный культ личности Мао Цзэ-дуна. Так, например, в тезисах говорилось: «Нельзя подобно ученым-сатрапам безапелляционно решать все и диктовать свою волю другим». Авторы тезисов исходили из того, что в борьбе с идейным противником необходимо «подавить противника не только политически, но и на самом деле значительно превзойти и подавить его в научно-профессиональном плане». Тезисы предупреждали против наскоков на представителей интеллигенции, выступали против излишнего администрирования в вопросах культуры и искусства. По существу тезисы развивали и разъясняли положения, содержащиеся в резолюциях VIII съезда КПК (1956 г.). В документах съезда подчеркивалось, что «принуждение и своеволие в отношении науки и искусства путем административных мер являются ошибочными». Съезд призывал «унаследовать и воспринять все полезное из прошлой культуры нашей страны и культуры зарубежных стран».

О том, что тезисы, составленные Пын Чжэнем, являются «программой реставрации капитализма» и составляют часть

«давно вынашиваемого антипартийного, антисоциалистического заговора», который был раскрыт самим Мао Цзэ-дуном, китайская общественность узнала в мае 1967 года, когда было предано широкой гласности «Сообщение» ЦК КПК от 16 мая 1960 года. Разумеется, что этот документ также был написан «под непосредственным руководством» самого Мао Цзэ-дуна и представлял собой «факел, разжигающий огонь великой пролетарской революции». Этот «факел» целый год скрывали от китайской публики, хотя именно это «сообщение» за несколько месяцев до XI пленума ЦК КПК «сорвало темные планы» противников Мао Цзэ-дуна.

В статьях, посвященных публикации «Сообщения» от 16 мая 1966 года, приводились высказывания Мао Цзэ-дуна о том, что враги его линии имеются повсюду.

«Представители буржуазии, — бил тревогу Мао, — имеются в центре, в партийных и правительственных учреждениях, и на местах — в провинциях, городах и автономных районах...

...Представители буржуазии, пролезшие в партию, правительство, армию и различные сферы культуры, представляют собой группу контрреволюционных ревизионистов. Они готовы при первом удобном случае захватить власть в свои руки и превратить диктатуру пролетариата в диктатуру буржуазии. Одних из этих людей мы уже распознали, других — еще нет, а третьи все еще пользуются нашим доверием и готовятся в качестве нашей смены». («Хунци» и «Жэньминь жибао», 18.V. 1967 г.).

После того, как в Пекинском университете было поднято по указанию свыше «знамя великой пролетарской культурной революции», некоторые руководители КПК пытались повлиять на ход событий и послали в университеты и другие организации, где развернули свою деятельность сторонники Мао Цзэ-дуна, так называемые «рабочие группы», которые преследовали цель в какой-то мере притушить анархические выступления студентов и учащихся школ. Однако Мао Цзэ-дун и его группа, видимо, разгадали этот маневр и активизировали деятельность хунвэйбинов, за спиной которых стояли армия и органы безопасности. На них и была возложена задача дискредитации и ликвидации партийного, профсоюзного и комсомольского аппарата.

Если на начальном этапе действия хунвэйбинов, их бесчинства не встречали сильного сопротивления, поскольку многие партийные работники еще находились под гипнозом авторитета Мао Цзэ-дуна и не сразу разобрались, куда он ведет дело, не поняли его намерений, то позднее они все глубже стали понимать, что речь идет о ликвидации партийного и государственного аппарата, о физическом истреблении партийных кадров. Они убедились, что Мао Цзэ-дун не останав-

ливается перед расправой с теми, кто верно служил делу китайской революции и был предан самому Мао Цзэ-дуну.

По мере расширения бесчинств хунвэйбинов начинает расти и сопротивление им. Признаки этого открытого противодействия появились в конце 1966 — начале 1967 года.

По сведениям, поступившим из Нанкина, там в начале января 1967 года вспыхнул острый конфликт между членами организации «красных бунтарей» и «рабочими отрядами красной защиты», вставшими на сторону провинциального комитета. Более 400 человек было тяжело ранено и около 14 человек убито. Авторы листовок, описывающих эти события, утверждают, что в них участвовало свыше 100 тысяч человек, среди которых имелись рабочие из Шанхая и Уси. Им якобы помогал штаб тыла военного округа Цзянсу.

Кровавая стычка произошла в это же время на острове Чжоушань (провинция Чжэцзян). Здесь партийный комитет, опираясь на подразделения Народно-освободительной армии и крестьян, нанес удар по местным «красным охранникам». Те оказали сопротивление, но в результате большая часть их оказалась под арестом.

В декабре 1966 — январе 1967 года во многих городах страны — Пекине, Шэньяне, Нанкине, Шанхае, Сиане, Чунцине, Фулэзди, Цзинани, Урумчи и других — начались забастовки рабочих. Эти забастовки явились выражением недовольства рабочих бесчинствами хунвэйбинов и их грубым вмешательством в дела фабричных и заводских коллективов.

Серьезная попытка оказать сопротивление «культурной революции» была предпринята в Шанхае. Отрывочные сведения, поступившие из этого крупнейшего промышленного центра Китая, не дают возможности воссоздать картину событий во всех деталях. Но та скудная информация, которая попала в китайскую печать, свидетельствует о напряженном положении, сложившемся в Шанхае в январе 1967 года. На ряде заводов и фабрик, а также в порту рабочие бросили работу. Некоторые из них делали это под предлогом участия в «культурной революции», другие в знак протеста против нее.

С другой стороны, шанхайский горком КПК, стремясь обеспечить себе поддержку фабрично-заводских коллективов, провел ряд мер, направленных на улучшение материального положения рабочих. Дело в том, что в течение ряда лет рабочим Шанхая, как и других городов, не выплачивались премии и другие надбавки к зарплате, предусмотренные существующими положениями. Последствия «большого скачка» и борьбы с так называемыми «остатками буржуазного права» тяжело отразились на материальном положении рабочих, среди которых начало усиливаться недовольство. По сведениям, просочившимся в зарубежную печать, влиятельная супруга Мао Цзэ-дуна Цзян Цин на одной из встреч с представителями Шанхая разыграла возмущение по поводу обид в отношении рабочих, которые были будто бы допущены без ведома Мао Цзэ-дуна. Шанхайские власти, воспользовавшись этим, попытались провести ряд мер по облегчению жизни рабочих. Им была повышена зарплата, те, кто нуждался в жилье, получили комнаты и квартиры. Но до конца осуществить эти меры Шанхайскому горкому не удалось. Руководители «культурной революции» вовремя спохватились. Раскусив замыслы Шанхайского горкома, они постыдились сорвать их. Это было сделано руками так называемых цзаофаней — «революционных бунтарей», которые заклеили действия Шанхайского горкома как «буржуазную реакционную линию», как «контрнаступление на экономическом фронте».

Руководители «культурной революции», видимо, прекрасно понимали, какая опасность таится в мерах, предпринятых Шанхайским горкомом. Ведь если бы примеру шанхайцев последовали партийные комитеты других городов, то это угрожало бы коренным образом изменить ход «культурной революции». У противников Мао Цзэ-дуна появилась бы сильная

опора в лице трудящихся масс. Поэтому и были приняты срочные меры для того, чтобы парализовать деятельность Шанхайского горкома, пока он еще не организовал рабочие массы. «Революционные бунтари», силой сопротивления рабочих, захватили редакции двух крупнейших шанхайских газет «Вэньхуэй бао» и «Цзефан жибао». Сотрудники обновленных редакций в письме на имя Мао Цзе-дуна поклялись «твердо бойкотировать приманку экономического благосостояния и решительно отбить наступление снарядов в сахарной оболочке».

В «Чрезвычайном обращении» к населению города «революционные бунтари» потребовали возвращения рабочих на свои производственные посты. Они заявили о том, что оборотные средства всех предприятий и учреждений замораживаются, а вопрос об урегулировании зарплаты отложен до лучших времен. В «обращении» категорически запрещалось повышать рабочим зарплату, чтобы не «настраивать рабочих против студентов и школьников». Лицам, получившим новые квартиры, было предлежено оставить их в недельный срок. Опубликование этого «Обращения» ясно показало, что верховной властью в Шанхае является отныне «генеральный штаб революционных рабочих-бунтовщиков». Шанхайскому горкому КПК и городскому управлению общественной безопасности было приказано выполнить требования «генерального штаба». О том, что в Шанхае, помимо горкома, имеется еще и народное собрание, избранное жителями города на основе Конституции, было забыто. С органами народной власти, как и с законом, «революционные бунтари» вообще не считались. Действия шанхайских хунвэйбинов получили высочайшее одобрение и благословение Мао Цзе-дуна. Захват учащимися шанхайских газет он охарактеризовал как «свержение одного класса другим», как «большую революцию». ЦК КПК в свою очередь направил шанхайским «бунтарям» приветственное послание, в котором все в стране призывались «изучать опыт шанхайских революционных бунтарских групп». Органы ЦК КПК — газета «Жэньминь жибао» и журнал «Хунци» — посвятили шанхайским событиям специальную совместную передовую, в которой подчеркивалось, что решение о публикации и пропагандировании обращения шанхайских «бунтарей» было принято лично самим Мао Цзе-дуном. События в Шанхае были определены как «начало нового этапа великой пролетарской культурной революции». В передовой резко осуждались те, кто пытался «сватать» рабочих посредством повышения зарплаты и улучшения их материального положения. По мнению авторов передовой, это было проявлением экономизма, который «сводится к тому, чтобы средствами подкупа потакать требованиям немногочисленных отсталых масс, разлагать революционную волю масс, уводить политическую борьбу масс на ложный путь экономизма».

Выступая против так называемого «экономизма», приближенные Мао Цзе-дуна явно показали, что им глубоко чужды интересы рабочего класса, что они опасаются его активности.

По словам журнала «Хунци», с января 1967 года «началась решающая битва пролетариата и широких масс трудящихся с буржуазией и ее агентурой в рядах партии», наступил «этап борьбы за всесторонний захват власти у горстки власть имущих внутри партии, идущих по капиталистическому пути».

Еще более определенно высказался по этому поводу Чань Бо-да. Этот приближенный идеолог Мао Цзе-дуна, наиболее грамотный человек в его окружении, долгое время оснащавший его «труды» цитатами из классиков марксизма-ленинизма, заявил, что «наша борьба за власть должна состоять в том, чтобы пролетариат взял власть у буржуазии».

Как мы знаем, «пролетариат» в понимании Мао Цзэ-дуна — это те, кто слепо исполняет его приказы, а в ряды «буржуазии» зачисляются все, кто сомневается в величии Мао Цзэ-дуна и не соглашается с его установками.

После захвата власти в Шанхае из центра был дан приказ ускорить разгром органов народной власти и партийных комитетов в городах и провинциях по этому образцу. Но, видимо, и события в Шанхае, где, несмотря на свержение власти горкома, борьба между сторонниками Мао и его противниками продолжалась, и процессы, происходившие в других городах, показали, что ликвидировать партийные комитеты силами «красных охранников» и «революционных смутьянов» так легко не удастся. Поэтому Мао Цзэ-дун призвал армию оказывать активную поддержку и помощь пролетарским революционерам в борьбе за захват власти.

В адрес армии был брошен упрек в «пассивности» и «невмешательстве». Требуя отказаться от позиции наблюдателя, газета «Цзефанцзюнь бао» 25 января 1967 года объяснила необходимость использования воинских частей тем, что «бунтовщики» — сторонники Мао Цзэ-дуна — находятся «временно в меньшинстве». Газета строго осудила тех командиров Народно-освободительной армии, которые «под видом невмешательства на деле дают массы... Наша Народно-освободительная армия должна недвусмысленно и активно поддерживать пролетарских революционеров — левых».

В конце января 1967 года группой Мао Цзэ-дуна было принято специальное постановление об участии армии в «культурной революции», в котором отменялись «все прежние указания относительно невмешательства армии в великую культурную революцию на местах» и давалась команда «активно поддержать борьбу за взятие власти». По существу это постановление молчаливо признавало, что имевшее до сих пор место невмешательство армии объясняется не только злым умыслом «некоторых армейских работников», но и указаниями сверху. Чжоу Энь-лай впоследствии признал, что такие указания действительно имелись, ибо наверно не было уверенности в том, на чью сторону встанет армия, и потому организаторы «культурной революции» опасались вводить ее в действие. Как показали последние события, такие опасения были небезосновательными. В ряде районов страны армейские части, вместо того чтобы поддержать маодзедунистов, стали подавлять их.

Одновременно группа Мао Цзэ-дуна предприняла отчаянные усилия для сплочения своих сторонников — хунвэйбинов и цзаофаней, среди которых начались внутренние распри, дразги, перебранки, конфликты, доходившие до кровавых стычек. Подобного рода явления приняли настолько широкий размах, что журнал «Хунци» вынужден был забить тревогу и обратиться к хунвэйбинам и цзаофаням с призывом «усилить организованность

и дисциплинированность», «осуществлять широкое объединение», «покончить с анархизмом».

Руководители «культурной революции» потребовали от «бунтарей» «изживать местничество, групповщину, ультрадемократизм, либерализм, субъективизм, индивидуализм и т. п., не гнаться за парадностью и роскошью, не разбрасывать на ветер государственное имущество». Журнал «Хунци» высказывал надежду, что «застрельщики революции» «постепенно созреют политически, а не окажутся мимолетными цветами на исторической арене».

Вмешательство армии и призывы к сплочению и объединению «революционных бунтарей» объяснялись тем, что во многих городах страны рабочие выступили в защиту своих прав, в защиту партии и социалистических завоеваний Китая. Выступления рабочих в ряде мест были поддержаны наиболее сознательной частью командного состава армии.

Стремясь не допустить хунвэйбинов на промышленные предприятия, рабочие объявляли забастовки, направляли делегации в Пекин с изложением своих требований, организовывали отряды для защиты предприятий. Рабочие Дацинских нефтепромыслов бросили работу и направились в Пекин с петициями, в которых протестовали против бесчинства хунвэйбинов. Работа на промыслах была остановлена.

Справедливые требования рабочего класса, китайских трудящихся были квалифицированы группой Мао Цзэ-дуна как «реакционный экономизм», проявление «советского ревизионизма», а их требования об улучшении материального положения — как «кинжал в спину пролетарской революции». Борьба против законных интересов трудящихся была объявлена одной из важнейших задач нынешнего этапа «пролетарской культурной революции». На подавление трудящихся были брошены отряды хунвэйбинов. Когда же и этого оказалось недостаточно, Мао Цзэ-дун приказал Линь Бяо направить для расправы с рабочими и крестьянами части регулярной армии.

Перед лицом сопротивления рабочего класса Мао Цзэ-дун и его группа взяли курс на раскол рядов рабочих. С этой целью в конце декабря 1966 года были разогнаны руководящие органы Всекитайской федерации профсоюзов и ее отделений. На предприятиях и в учреждениях с помощью армии в противовес партийным комитетам и местным профсоюзным организациям из молодых и временных рабочих и других политически незрелых элементов были созданы так называемые «отряды смуты» или «отряды бунтарей» по аналогии с организацией хунвэйбинов. Эти отряды использовались для нанесения ударов по рабочему классу, разложения его изнутри.

Из сообщений китайской печати можно понять, что и крестьяне решительно выступали против проведения чисток в деревне, мешавших их нормальной работе. Крестьяне выступали также за восстановление принципа материального стимулирования, за распределение доходов по труду, что было расценено хунвэйбинами или, точнее, теми, кто направляет их действия, как «игра в контрреволюционный экономизм». Многие крестьяне пытались прийти на помощь горожанам

«с преступной целью — торпедировать великую пролетарскую культурную революцию», как об этом сообщало агентство Синьхуа.

Шанхайская газета «Цзефан жибао» писала 13 февраля 1967 года, что в деревне идет борьба с применением силы. Крестьянские массы пытались объединиться для защиты сельских парткомов. Чтобы преодолеть сопротивление крестьян, главари культурной революции прибегли к своему излюбленному и испытанному приему — внесению раскола в ряды крестьянства. Из его среды были выделены левые «революционеры-бунтовщики», перед которыми была поставлена задача — забрать в свои руки власть в деревне, ликвидировать «пагубное влияние контрреволюционного экономизма», показать пример в осуществлении революции, стимулировании развития производства.

Прямое использование армии против партии, против рабочего класса и трудового крестьянства свидетельствовало о новом обострении внутривластной обстановки в стране весной 1967 года. Сопротивление оказалось более сильным, чем предполагал Мао. В этих условиях из Пекина стали раздаваться голоса, призывающие «в полной мере оценить роль революционных кадров в борьбе за захват власти».

Охранников и смутьянов стали уговаривать, что руководящие кадры, стоящие на позиции Мао Цзэ-дуна, — это «ценное достояние партии», что «неверно не верить всем, стоящим у власти». «Хунци» в редакционной статье пишет: «Выступать против всего без разбора, отвергать все и вся, громить все и вся — это противоречит классовому подходу марксизма-ленинизма и идеям Мао Цзэ-дуна».

Видимо, не случайным было появление в шанхайской газете «Вэньхуэй бао» от 18 февраля 1967 года статьи (перепечатанной затем газетой «Жэньминь жибао»), в которой говорилось о необходимости более бережного отношения к старым руководящим товарищам в партийных и государственных учреждениях. Газета заявляла, что если широкие массы кадровых работников поднимаются на бунт, то «революционные бунтовщики должны радушно приветствовать и поддерживать их», поскольку это кадровые работники, «сравнительно богатые опытом политической борьбы, сравнительно зрелые и сравнительно способные на организаторскую работу».

Статья объявила ошибочными «любые теории дискриминации кадров и непризнания их бунта». Революционные бунтовщики были недовольны тем, что к ним примыкают, присоединяются старые кадровые работники. Они опасались того, что будет нарушена «чистота» их рядов. В этой связи газета «Вэньхуэй бао» заявляла, что «чистота рядов революционеров зависит от того, линию какого класса эти ряды проводят в жизнь. Если проводится в жизнь революционная линия председателя Мао Цзэ-дуна, то ряды ее проводников, пусть они состоят исключительно из кадровиков, остаются очень чистыми».

Чжоу Энь-лай, по сообщению корреспондента агентства ЧТК, заявил в феврале 1967 года, что «хунвэйбины не имеют опыта и не способны руководить делами страны». Обращаясь к революционным бунтарям Мини-

терства торговли и финансов, он прямо сказал, что «на вас нельзя опереться». В другом своем выступлении Чжоу Энь-лай подчеркнул, что чистка, проводимая хунвэйбинами, должна ограничиться лишь председателем КНР Лю Шао-ци, генеральным секретарем ЦК КПК Дэн Сяо-пином и их ближайшими помощниками. Чжоу Энь-лай заявил, что «нельзя проводить жестокие самосуды над руководителями и кадровыми работниками», назвав такие меры крайне левой ошибкой.

Поспешил отмежеваться от «шаблонных форм борьбы» и Чэнь Бода. Выступая 22 февраля 1967 года на митинге хунвэйбинов, он назвал употребление выражения «разбить собачьи головы», надевание шутовских колпаков и принуждение людей к покаянию на коленях «ошибками, которые допустили массы в ходе массового движения» и с которыми «ни Центральный Комитет, ни группа по делам культурной революции не имеют ничего общего».

Причинами ошибок Чэнь Бода назвал, во-первых, несознательность масс, а, во-вторых, действия врагов, которые якобы пытались применением таких методов очернить культурную революцию. Появление таких высказываний свидетельствовало о том, что политика руководителей «культурной революции» зашла в тупик.

Такая двойственность в определении методов борьбы характерна для установок, которые даются группой Мао хунвэйбинам. Как только противодействие «культурной революции» начинает принимать угрожающие размеры, ее запреты начинают, с одной стороны, нажимать на тормоза, громко заявляя о том, что «надо бороться словом, а не дубинкой», а с другой стороны, производят перегруппировку своих сторонников для давления на противников. При этом политический и административный нажим сочетается с психологическим. Так, в июне 1967 года в Пекине были развешаны указания группы Мао Цзэ-дуна, запрещающие физическую борьбу в любой форме. Но эти лицемерные указания нисколько не мешали творить беззакония и произвол над лицами, попавшими в опалу.

15 февраля 1967 года газета «Жэньминь жибао» опубликовала статью об опыте захвата власти в конце января в городе Циндао. Этот опыт состоял в том, что в так называемый революционный бунтарский комитет — временный орган власти — вошли руководители «революционных бунтарских организаций», «революционных руководящих кадров» и ответственные работники местных воинских частей.

В статье указывалось, что «нужно приветствовать те руководящие кадры, которые проводили буржуазную реакционную линию или допустили те или иные ошибки, но в ходе движения осознали свои ошибки, решительно исправили их и вернулись на революционную линию председателя Мао Цзэ-дуна». Одновременно подчеркивалось, что такого рода руководящие кадры могут «внести новый вклад в дело пролетарской революции».

Примирительные нотки, прозвучавшие в обращениях сверху в феврале-марте 1967 года, резко отличались от прежних призывов к поголовному сокрушению кадровых работ-

ников. «Культурная революция» на местах продвигалась туго, и её организаторам пришлось сменить пластинку. Партийных работников начинают поглаживать по головке, приободрять. Журнал «Хунци» заявил, что «участие, кадровых работников в руководящем ядре весьма благоприятствует захвату власти. Нужно правильно подходить к кадрам, допустившим ошибки, нельзя огульно свергать всех».

Вместе с тем журнал «Хунци» стал уговаривать кадровых работников поласковее относиться к хунвэйбинам. «Старые кадровые работники должны видеть достоинства маленьких застрельщиков революции, их нельзя недооценивать», — писал журнал.

Организаторы «культурной революции» рекомендовали таким образом формировать новые временные органы власти из представителей трех сил: руководителей «бунтарей» (или «смутьянов»), командиров местных частей Народно-освободительной армии и старых работников партийного и государственного аппарата. Подобного рода «триумvirаты» и должны были сосредоточивать в своих руках всю власть на местах. В некоторых городах эту новую форму власти нарекали «городской коммуной» (в Шанхае), но затем это название было осуждено самим Мао, и новые органы власти стали называть «революционными комитетами».

Характерно, что в эти временные органы власти представители от трудового населения не входили. И хотя много говорилось о выборном начале, об опыте Парижской коммуны, на самом деле состав этих временных органов власти никем никогда не выбирался, а подбирался на основе соглашения между представителями армии, бунтарей и старых кадровых работников, причем все больше подчеркивалась необходимость военного контроля.

Вслед за Харбином (центр провинции Хэйлунцзян) ликвидация конституционных органов власти была осуществлена в Тайюане — центре провинции Шаньси, в Циндао — центре провинции Шаньдун, в Фучжоу — центре провинции Фуцзянь, а также в некоторых других городах. Одновременно шла реорганизация органов власти в Пекине и Шанхае.

18 февраля 1967 года газета «Жэньминь жибао» посчитала необходимым выступить против тех, кто клеветает и нападает на Народно-освободительную армию. Статья призвала «решительно поддерживать все революционные действия Народно-освободительной армии, вытаскивать на свет небольшую кучу подлецов, которые подстрекают массы к поношению и нападкам на освободительную армию, к избиению командиров и бойцов освободительной армии... Выступление против Народно-освободительной армии недопустимо!» — заявляла газета. — «Кто выступает против Народно-освободительной армии, созданной лично председателем Мао, тот

выступает против нашего великого — вождя председателя Мао».

Газета «Цзефанцзюнь бао» 18 февраля подчеркивала, что именно Народно-освободительная армия обеспечила окончательную победу великой пролетарской культурной революции в Шанхае, в провинциях Шаньси, Шаньдун, Гуйчжоу, Хэйлунцзян и Фуцзянь.

Пытаясь консолидировать различные слои китайского общества на националистической основе, Мао Цзэ-дун разжигает в стране антисоветскую истерию, поощряет шовинистические настроения. Именно с такой целью по указке из Пекина была спланирована и осуществлена провокация китайских студентов на Красной площади в Москве, послужившая маоцзэдуновской группировке предлогом для организации новой волны антисоветских выступлений в Китае. Китайские студенты, находившиеся в Москве проездом, решили устроить у Мавзолея Ленина читку изречений из маоцзэдуновского молитвенника. Это вызвало справедливое возмущение советских людей, пришедших на Красную площадь отдать должное уважения основателю Советского государства. Действия советских граждан, пытавшихся утихомирить и образумить китайских провокаторов, группа Мао Цзэ-дуна использовала как предлог для злобных антисоветских демонстраций в Пекине у ворот Советского посольства. Китайская печать не скупилась на краски, описывая «неслыханные зверства» и «ужасные злодеяния», якобы имевшие место в Москве.

Подстрекая одуряченную, обманутую молодежь к бесчинствам против Советского посольства, китайская печать требовала «уплатить кровавый долг», заявляла о решимости «разбить собачьи головы советским ревизионистам», хвасталась, что хунвэйбины полны решимости «водружить красное знамя идей Мао Цзэ-дуна над Красной площадью», установить в Советском Союзе «новый порядок» в духе идей своего вождя. Более двух недель продолжалась психологическая война у стен Советского посольства. Авторы антисоветской кампании пытались довести обострение советско-китайских отношений до крайнего предела, спровоцировать разрыв дипломатических отношений и возложить вину за это на Советское правительство. Однако Советский Союз не поддался на грубые хулиганские провокации Мао Цзэ-дуна и его группы. Советский Союз проявил необходимую выдержку и твердость, предупредив Пекин, что вся вина и ответственность за ненормальное состояние советско-китайских отношений падает на самих китайских провокаторов.

Одна из главных целей антисоветской истерии заключалась в том, чтобы отвлечь внимание китайской общественности от трудностей, с которыми столкнулись Мао Цзэ-дун и его группа в борьбе с оппозиционными силами в партии и стране. Но грубый беспардонный антисоветизм Мао Цзэ-дуна может лишь на некоторое время переключить внимание китайского общества с внутренних трудностей на внешние проблемы. Разжигание националистических страстей, придание им антисоветского характера не спасет группу Мао Цзэ-дуна, не освободит ее от необходимости решения внутренних и прежде всего экономических проблем.

Для дальнейшего усиления антисоветской истерии группа Мао Цзэ-дуна широко использовала агрессию Израиля против арабских государств. Пользуясь плохой осведомленностью населения, китайская печать сфабриковала нелепую басню о том, что агрессия Израиля начата при попуститель-

стве Советского Союза, якобы и здесь вступившего в сговор с американскими империалистами. Одновременно, выдавая свои истинные намерения, пекинские газеты обрушились со злобной бранью на «советских ревизионистов», не посмевших атаковать американский флот в Средиземном море. И здесь группа Мао Цзэ-дуна выступила в роли коварных провокаторов, пыталась погреть руки на трудностях арабских народов.

Уже сейчас очевидно, что так называемая «культурная революция» пагубно отражается на экономическом положении страны, снижает и без того низкий жизненный уровень населения. Не может не иметь последствий тот факт, что из сферы производства отвлекается большое количество рабочей силы, а те рабочие и крестьяне, которые остаются на фабриках и заводах или в сельскохозяйственных кооперативах, лишены возможности нормально трудиться в обстановке психоза и истерии. Все это неизбежно приведет к резкому спаду производства.

И, видимо, поэтому Мао Цзэ-дун и его приближенные уже сейчас сочиняют версию о том, что в будущих экономических трудностях виноваты якобы противники его идей, которые будто бы пытались «расстроить экономическую жизнь страны». С этой целью они якобы «подкупают рабочих и служащих, останавливают производство, разрушают и грабят государственное имущество». Газета «Жэньминь жибао» 8 июня 1967 года пыталась приписать «классовым врагам» «нанесение ущерба государственному имуществу». На свет вытаскивается и обветшалая выдумка об ущербе, который якобы причинили экономике Китая «советские ревизионисты». Но вряд ли можно будет бесконечно держать в заблуждении и обманывать китайский народ грубыми и примитивными баснями о «внутренних и внешних злоумышленниках».

Последние сообщения из Пекина говорят о том, что Мао Цзэ-дун и его группа все больше связывают надежды на сохранение своего господства с поддержкой армии. По приказу Мао Цзэ-дуна армия берет в свои руки полный контроль над всеми предприятиями и учреждениями. Войска занимают многие промышленные предприятия. В распоряжение армии перешел воздушный и железнодорожный транспорт. Директивой ЦК КПК от 23 февраля на армию возложена ответственность за организацию и проведение весенних полевых работ в деревне. Учитывая, что китайская деревня не страдает недостатком рабочих рук, можно заключить, что армейские командиры будут выполнять роль надзирателей и надсмотрщиков над крестьянами. Необходимость прибегнуть к помощи солдат в деревне вызвана, вероятно, и падением трудовой активности крестьян. Видимо, группа Мао Цзэ-дуна потеряла веру в то, что крестьяне без контроля ар-

мии будут активно трудиться на полях. Уже один этот факт говорит о полном банкротстве политического курса Мао Цзэ-дуна и его группы. Ведь всего лишь за три дня до опубликования этой директивы в газетах было напечатано письмо ЦК КПК к бывшим беднякам, низшим середнякам и работникам народных коммун с призывом «мобилизовать все силы и усердно работать ради своевременного проведения весеннего производства». Видимо, этот призыв произвел слабое впечатление на крестьян и пришлось обратиться к армии с указанием усилить контроль над деревней.

Но и в самой армии не все благополучно. Оказалось, что и там, как указывала 14 января 1967 года газета «Цзефан-цзюнь бао», «есть горстка облеченных властью, идущих по капиталистическому пути людей и ничтожное число твердолюбых, упорно проводящих буржуазную реакционную линию». Это нужно понимать в том смысле, что и в армии не все склонны безоговорочно поддерживать Мао Цзэ-дуна. Среди командиров и политработников имеются люди, недовольные его политикой, и их, видимо, не «горстка». Разговоры о «горстке», о «жалкой кучке» — это обычный трюк заправил «культурной революции». В самом ее начале тоже говорилось о «жалкой кучке» несогласных, а потом оказалось, что их великое множество. Для наведения порядка в армии была срочно реорганизована группа по делам культурной революции Народно-освободительной армии. Решение об этом рекламировалось как «огромная победа».

Но и попытки обуздать или образумить противников с помощью вооруженных сил не всегда оказываются успешными. По крайней мере китайская печать жалуется на непослушание местных работников, на их «неправильную ориентацию», на «непонимание целей Мао Цзэ-дуна». Положение осложняется и тем, что в некоторых районах армии приходится брать на себя роль верховного судьи в расприх и междоусобицах хунвэйбинов. Там, где эти распри не удастся унять, армия открыто, без всякого камуфляжа устанавливает военный контроль. Под ее контроль взято даже такое учреждение, как пекинское бюро обслуживания дипломатического корпуса.

Шаньдунская газета «Дачжун жибао» опубликовала в конце мая 1967 года специальную статью, уговаривающую крестьянские массы не нападать на «маленьких застрельщиков революции» и не избивать их. Газета выболтала, что в Шаньдуне «ответственные лица» подавляют хунвэйбинов и организуют массы на борьбу против них.

Напряженное положение сохраняется и в других провинциях. В Хэ-нани не прекращается борьба между цзаофанями и хунвэйбинами, с одной стороны, и руководством провинциального партийного и народного комитетов — с другой.

По свидетельству шанхайской газеты «Вэньхуэй бао», в Шанхае были совершены нападения на органы общественной безопасности.

Как сообщала 3 июня газета «Ганьсу жибао», в городе Ланьчжоу

(административном центре провинции Ганьсу) ежедневно происходит по два-три столкновения между противниками и приверженцами «культурной революции».

Прибывшие из Синьцзяна в Пекин военнослужащие сообщают в своей дацзыбао, что 27—29 мая в Урумчи, Хами и Шихэнзы происходили «кровавые столкновения». Хунвэйбины из города Сюйчжоу (провинция Цзянсу) в распространенной в Пекине дацзыбао рассказывают о «кровавых столкновениях» в этом городе 30 мая — 1 июня. По словам авторов дацзыбао, во время этих столкновений было ранено и убито более 1000 человек. В материалах, распространяемых в Пекине, сообщается о «кровавых столкновениях» 31 мая и 1 июня в Шэньяне (провинция Ляонин).

«Культурная революция» продолжается. Делать сейчас какие-либо определенные и окончательные прогнозы относительно перспектив развития событий в Китае, видимо, рано. В сложном, запутанном переплете внутривластной борьбы в Китае перемешались разные факторы, и какие из них одержат верх — сказать пока трудно. Одно ясно, что мы имеем дело с чуждым социализму и марксизму-ленинизму реакционным явлением, которое отбрасывает Китай далеко назад.

В речи товарища Л. И. Брежнева на встрече с избирателями 10 марта 1967 года о «культурной революции» в Китае говорилось, что «это больше похоже на подавление социалистической революции... Это больше похоже на реакционный военный переворот», что «это большая национальная трагедия для китайского народа, для китайской компартии, которым мы всей душой сочувствуем. Ведь под удар поставлены революционные завоевания Китая, его внутренняя цельность и стабильность, его международный авторитет. Мы были бы плохими интернационалистами, если бы глубоко не сожалели об этом».

Истоки и цели «культурной революции»

Возникает вопрос: кому выгоден поход против науки, против демократии, против свободы, гуманизма и других идеалов прогрессивного человечества? В чьих интересах разжигание этой борьбы в Китае?

Китайский народ, не так давно вышедший из мрака феодализма и кабальной зависимости от империалистов, больше чем другие народы нуждается в развитии демократических норм общественной жизни, в росте человеческого достоинства, в овладении современными высотами мировой прогрессивной культуры. И руководители КПК еще десять-пятнадцать лет назад прекрасно понимали это.

У них не возникало сомнений в том, что построение социализма в Китае возможно лишь при условии преодоления вековой политической и культурной отсталости страны. Че-

рез все речи китайских руководителей, выступления китайской печати лейтмотивом проходила мысль о необходимости строить больше школ, техникумов, институтов, с тем чтобы увеличивать подготовку инженеров, техников, агрономов, врачей, учителей да и просто грамотных людей. Китайские коммунисты понимали, что в стране, где господствует почти поголовная безграмотность, социалистическое общество построить чрезвычайно трудно.

Само собой понятно, что в такой отсталой в экономическом и культурном отношении стране, как Китай, строительство социализма будет сопряжено с гораздо большими трудностями, чем в промышленно развитых странах. В свое время В. И. Ленин писал: «...отсталая страна может легко начать, потому что гнил ее противник, потому что неорганизована ее буржуазия, но, чтобы продолжать, ей требуется во сто тысяч раз больше осмотрительности, осторожности и поддержки. В Западной Европе это будет иначе, там неизмеримо труднее начать, там неизмеримо легче идти дальше. Это не может быть иначе, потому что там организованность и сплоченность пролетариата неизмеримо более велики»¹.

В Китае был особенно велик тот «разрыв между величию поставленных задач и *нищетою* не только материальной, но и *культурной*», о котором писал В. И. Ленин применительно к России². Китайские коммунисты понимали, что решать гигантскую задачу обновления своей страны и ее перехода к социализму можно лишь в течение длительного периода.

В тезисах ЦК КПК «Бороться за мобилизацию всех сил для превращения нашей страны в великое социалистическое государство», опубликованных в декабре 1953 года, отмечались трудности, стоящие перед китайским народом, и указывалось, что потребуется «довольно длительный период времени для создания необходимых экономических и культурных предпосылок, обеспечивающих полную победу социализма».

Огромные трудности, стоящие на пути строительства социалистического общества в Китае, требовали особенно тщательного подхода при выборе методов строительства, продуманных решений, координации своих усилий, сотрудничества с Советским Союзом и другими социалистическими странами. В тезисах ЦК КПК подчеркивалось: «Наша страна не только может использовать передовой опыт Советского Союза, но и непосредственно получает советское оборудование и техническую помощь советских специалистов. Все это благоприятные условия для завершения социалистической индустриализации нашей страны».

Китайские коммунисты сознавали, что излишняя тороп-

¹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 30, стр. 252.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 417.

ливость, спешка, забегание вперед способны лишь повредить делу социализма.

Осенью 1956 года после одиннадцатилетнего перерыва состоялся очередной VIII съезд КПК, который, подытожив опыт первых лет созидательной работы, определил задачи партии и народа на будущее.

В резолюции, принятой съездом, говорилось о необходимости «полностью учитывать все неблагоприятные факторы и возможные трудности, бороться с тенденцией слепого забегания вперед». VIII съезд требовал от коммунистов учитывать объективные ограниченные возможности экономики, финансов и технических сил и предупреждал, что установление слишком высоких темпов «помешает развитию экономики и выполнению плана и явится авантюристической ошибкой». В решениях съезда подчеркивалась необходимость сочетать строительство с улучшением жизни народа и на базе развития промышленного и сельскохозяйственного производства «обеспечить дальнейшее повышение материального и культурного уровня жизни народа».

Предусматривалось, что задачи переходного периода могут быть решены не сразу, а в течение трех пятилеток.

В первые годы после победы народной революции, в период восстановления народного хозяйства, и затем в период планового экономического строительства в стране расширяется сеть школ и высших учебных заведений, быстро растет число школьников и студентов, а для взрослых создаются вечерние школы, зимние школы и кружки по ликвидации неграмотности. На VIII съезде КПК (сентябрь 1956 г.) в Политическом отчете ЦК КПК подчеркивалась необходимость «проводить массовую подготовку новой интеллигенции, в особенности той, которая вышла из трудовых классов, осуществляя обучение в школах и вузах и подготовку кадровых работников без отрыва от производства. Одновременно с этим мы должны использовать способности буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции в строительстве социализма и учиться у нее».

«Чтобы построить социализм, — говорил на торжественном заседании в Пекине 6 ноября 1957 года Лю Шао-ци, — рабочий класс должен иметь собственную армию профессоров, учителей, ученых, журналистов, работников литературы и искусства и марксистско-ленинских теоретиков... Китай является большой страной, и построение в ней социализма — трудное и сложное дело. Поэтому рабочий класс должен обладать огромной армией интеллигентов... Подготовка и укрепление этой армии является общей исторической задачей всей нашей партии и всего народа нашей страны».

В 1956 году на совещании в ЦК КПК, специально посвященном работе с интеллигенцией, Чжоу Энь-лай призывал покончить с сектантской предубежденностью в отношении беспартийных интеллигентов, ибо это мешало лучшему использованию их знаний и сил в интересах социализма. Чжоу Энь-лай требовал покончить с уравниловкой в зарплате и другими

нездоровыми явлениями. «Интеллигенция, — говорил он, — уже стала важным фактором во всех областях жизни нашего государства».

Все эти правильные положения были отброшены в сторону, когда «по инициативе и под личным руководством Председателя Мао» началась «великая пролетарская культурная революция».

Впрочем, было бы неверно рассматривать эту кампанию с точки зрения культуры. Это антикультурная революция. Цели ее чисто политические. Для того чтобы понять их, необходимо вернуться к печальным дням «большого скачка» и «народных коммун».

Как известно, в первые годы после победы революции Коммунистическая партия Китая проводила в основном правильную линию. Успешно восстанавливалось народное хозяйство, закладывались основы социализма в городе и деревне. Осуществлялся курс на укрепление дружбы и всестороннего сотрудничества с Советским Союзом, другими социалистическими странами. Китай активно участвовал в борьбе за укрепление мира, за упрочение безопасности народов. Такая политика отвечала коренным интересам китайского народа и создавала хорошую основу для постепенного, последовательного продвижения страны к социализму.

Крутой поворот во всей политике КПК начался в 1958—1959 годах. На второй сессии VIII съезда КПК в августе 1958 года были выдвинуты установки, означавшие серьезный отход от первоначальных планов. Мао Цзэ-дуном был брошен заманчивый лозунг «Три года упорного труда — десять тысяч лет счастья». Руководство КПК полагало, что, используя до отказа гигантские людские ресурсы Китая, можно и без овладения высотами современной науки и техники, без материально-технической базы прийти к коммунистическому обществу.

Вторая сессия VIII съезда КПК приняла постановление о существенном ускорении темпов экономического строительства. Перед партией и народом была поставлена задача «за 15 лет или в меньший срок догнать Англию по производству важнейших видов промышленной продукции», «в короткий исторический срок оставить далеко позади себя все капиталистические страны мира», «за три года добиться перемены в основном облика большинства районов страны».

Руководство КПК не сомневалось в том, что ему удастся сочетать «ускорение процесса индустриализации страны» с «ускорением процесса механизации сельского хозяйства», а также с «ускорением процесса стирания граней между городом и деревней». Осуществлению этих целей в кратчайший исторический срок и должна была служить политика народных коммун и большого скачка, а также курс так называемой «малой металлургии».

Понадобилось всего лишь два года, чтобы убедиться в полной несостоятельности, в банкротстве этой политики. Экономика Китая оказалась полностью дезорганизована. К 1962 году промышленное производство Китая сократилось по сравнению с 1959 годом почти наполовину, а валовой сбор зерна упал на одну треть. Значительная часть производительных сил была разрушена. Народное хозяйство Китая было ввергнуто в затяжной экономической кризис. Попытки руководства КПК свалить вину за трудности на стихийные бедствия, на Советский Союз, а также на местные партийные кадры, которые якобы неправильно поняли и неверно проводили в жизнь указания Мао Цзэ-дуна, могли обмануть только лишь несведущих или наивных людей.

Некоторые руководители КПК признавали истинную причину экономических трудностей. Об этом свидетельствует поспешный отход от первоначальных установок, отказ от «досрочного вступления в коммунизм», перенос сроков завершения социалистического строительства на десятки и даже сотни лет. Но исправление ошибок означало молчаливое и вынужденное признание того, что они были допущены. И хотя кампания за исправление ошибок (так называемое «урегулирование») сопровождалась настойчивым повторением лозунга о победе политики народных коммун и большого скачка, о непогрешимости и всепобеждающем характере идей Мао Цзэ-дуна, сомнение в безошибочности внутренней политики руководства КПК начало все шире и шире распространяться среди партийных кадров, которые стояли ближе к жизни и знали трудности народа лучше и глубже, чем Мао Цзэ-дун и его окружение. Местные партийные кадры не могла также не задеть и не обидеть попытка свалить вину за трудности на их неспособность и неумение правильно понять и претворить в жизнь «мудрые» установки Мао Цзэ-дуна.

Глубина ошибок руководства КПК становилась особенно очевидной на фоне успехов Советского Союза и других социалистических стран. Сравнение и сопоставление различных методов управления хозяйством и разных результатов не прибавляло лавров руководству КПК. Не случайно поэтому, что в 1961—1962 годах в рядах Коммунистической партии Китая растет число недовольных внутренней политикой Мао Цзэ-дуна. Материалы, публикуемые сегодня в китайских газетах, свидетельствуют о том, что сомнения в непогрешимости Мао Цзэ-дуна, недовольство его политикой постепенно охватывали значительную часть партийного актива, а также интеллигенции.

Чрезвычайные мероприятия, предпринятые руководством КПК для преодоления экономических последствий «большого скачка», дали некоторые результаты. Положение в экономике несколько стабилизировалось. Но в то же время свер-

тывание тяжелой индустрии, рост военных расходов, курс на развитие натурального хозяйства не могли обеспечить и сколько-нибудь существенного продвижения вперед. К концу 1965 года КНР по общему объему валовой продукции не достигала показателей 1958—1959 годов, а в сельском хозяйстве лишь восстановила уровень 1957 года.

Жизненный уровень населения остается крайне низким. В 1965 году заработная плата рабочих и служащих КНР была только на 3—5% выше, чем в 1957 году. Доходы же крестьян не достигли и этого уровня. Производство промышленной и сельскохозяйственной продукции на душу населения в Китае за последние 8—10 лет не только не возросло, но и значительно сократилось, так как прирост населения КНР за 1957—1965 годы (этот прирост составил примерно 60—70 млн. человек) не сопровождался соответствующим ростом экономики.

Именно в период, когда банкротство экономических установок Мао Цзэ-дуна, стало совершенно очевидным, предпринимаются отчаянные усилия по раздуванию его культа. Именно тогда начинает все больше расширяться кампания по прославлению его «непогрешимых и всепобеждающих идей». Китайцам настойчиво, ежедневно вбивается мысль о том, что все успехи и победы в революции и строительстве социализма — результат изучения и применения идей Мао Цзэ-дуна, а все ошибки и поражения — естественный итог отхода от этих идей.

Характерно и то, что инициатором новой массовой кампании за изучение и применение идей Мао Цзэ-дуна выступает армия. В армии появляются один за другим «нержавеющие винтики», у которых нет другой цели в жизни, как быть до конца своих дней преданными великому вождю. Армия выступает также застрельщиком аскетизма, умеренности в требованиях, строжайшей экономии во всем.

В том бедственном положении, в котором в результате политики Мао Цзэ-дуна очутился китайский народ, призывы к умеренности и экономии во всем были вполне естественными. Но приближенные Мао, стремясь сохранить свое лицо и избежать возможной критики, подводили под эти призывы «солидную» теоретическую базу, заявляя, что нищета и бедность — это и есть «светлые идеалы коммунизма», что если китайский народ преодолет бедность, то ему угрожает утрата революционности, «буржуазное перерождение».

Не случайно, что в период острых трудностей армия провозглашается Мао Цзэ-дуном как образец и пример для всего народа. Беспрекословная солдатская дисциплина, бездумное повиновение приказам и распоряжениям начальства — все это представлялось надежной гарантией от критики, от недовольства. Китайские газеты, подчеркивая необходимость

учебы населения у армии, писали, что «воины Народно-освободительной армии выполняют приказы решительно, быстро, не вступая в пререкания, не торгуясь», «немедленно делают то, что им говорят, куда им указывают, туда они и идут».

Учеба у Народно-освободительной армии проходила под лозунгом дальнейшего, более систематического изучения идей Мао Цзэ-дуна и сопровождалась его ежедневным прославлением. Эта кампания переросла затем в движение за «революционизацию» заводов, фабрик, учреждений, учебных заведений. Содержание этой кампании опять-таки сводилось к изучению произведений Мао Цзэ-дуна. Выдвинутый ранее лозунг «политика — командная сила» истолковывается как «идеи Мао Цзэ-дуна — высшие указания во всякой работе».

Но не все в Китае разделяли эту точку зрения. Шаньдунская газета «Дачжун жибао» сообщала, например, о таких «нездоровых» настроениях: «Некоторые кадровые работники рассуждают: «Лучше один раз оплатить трудодни, чем десять раз говорить о политике. Говори о ней тысячу, десять тысяч раз, а все же люди лучше работают, когда начисляешь им трудодни».

Кадровые работники на местах считали, что вся работа не должна сводиться только к политическим вопросам, что основное внимание нужно обращать на производство, борьбу за повышение качества продукции, за рентабельность и т. д.

«Идейно-политическая работа — это слабый метод, — заявляли работники коммуны Дуньян (провинция Шэньси). — Вот если бы хорошо вести производство, больше дать крестьянам зерна и денег, тогда идеологические вопросы разрешались бы сами собой, а усиление политработы не разрешит вопросов».

Мао Цзэ-дун и его сторонники попытались погасить недовольство масс усилением националистических и псевдореволюционных настроений. Китай был объявлен форпостом, авангардом мировой революции. Трудности объяснялись и оправдывались тем, что необходимо нести жертвы во имя мировой революции. «Как можно есть акульки плавники и ласточкины гнезда, когда еще столько народов в мире страдает от гнета и несправедливости?», — демагогически вопрошала китайская печать. Все больше усиливалась и антисоветская кампания. Это также должно было помочь в оправдании трудностей. Ведь если советский народ «изменил делу мировой революции и вступил в сговор с империализмом», то отныне вся тяжесть, все бремя поддержки революции ложится на плечи китайского народа, «самого революционного народа в мире», как заявляли руководители КПК.

Но попытки на гребне националистической волны перевалить через трудности и отвлечь внимание народа от истинных виновников его бедственного положения могли дать лишь временный эффект. К тому же после короткого периода внешнеполитических успехов наступил период крупных провалов и скандальных поражений. Китайских коммунистов все труднее было убедить в том, что Мао Цзэ-дун во

всем прав, а все, кто не согласны с ним, ошибаются и заблуждаются. Несмотря на скудность информации, правда об истинном положении дел теми или иными путями доходила до партийного актива и интеллигенции.

Провалы во внутренней и внешней политике, консервация низкого уровня жизни, насаждение полицейских методов руководства обществом привели к росту недовольства во всех слоях китайского общества, включая партийный и государственный актив.

Китайская пропаганда предпринимала невероятные усилия, чтобы выдать провалы за успехи, поражения за победы. Но пропаганда — пропагандой, а факты — фактами. По мере того как кризис внутривластного и внешнеполитического курса становился все более очевидным, обострялись разногласия в правящей группировке Китая, росло недоумение и недовольство в широких слоях партийных и государственных работников КНР. Руководству КПК становилось все труднее объяснить явное противоречие между действительным положением дел в Китае и широко разрекламированным политическим курсом. В стране множились признаки внутреннего брожения, укреплялись оппозиционные настроения.

Короче говоря, политический курс группы Мао Цзэ-дуна зашел в глухой тупик. Резко возросло количество недовольных среди функционеров, усилились критические настроения в среде партийных, государственных работников и творческой интеллигенции. Осознание отрицательных сторон политики Мао Цзэ-дуна, понимание истинных причин внутренних неудач и внешнеполитических провалов нарастало и привело сначала к скрытой, а затем и к открытой борьбе внутри руководства КПК.

Попытки некоторых руководителей КПК, в том числе и Лю Шао-ци, явочным путем отказаться от политики Мао Цзэ-дуна, сохранив при этом его «доброе имя», вызвали недовольство у последнего. Но выступить в голодное время против тех, кто пытался спасти страну от голода, он, разумеется, не мог. Он не мог не понимать и того, что хотя лозунги «большого скачка» и «народных коммун» по-прежнему пропагандируются, на деле происходит коренной отказ от них. Мао Цзэ-дун не решался тогда выступить против тех, кто залатывал дыры, образовавшиеся в результате его ошибочной политики. Видимо, тогда и сил у него не было, да и противники его продолжали бить поклоны перед его портретами. Правда, все чаще в китайской печати имя Лю Шао-ци ставилось рядом с именем Мао Цзэ-дуна. Но известная китайская поговорка говорит, что «на небе может сиять только одно солнце». Кризис в руководстве КПК, таким образом, назревал в течение нескольких лет.

К концу 1965 года вопрос о дальнейших путях развития

страны встал во весь рост. К этому времени были до известной степени, хотя и не полностью, преодолены последствия большого скачка. Надо было решать вопрос, какими методами, какими путями развивать дальше народное хозяйство страны. Возвращаться ли к управлению экономикой на плановой основе или же снова попытаться совершить еще один скачок? Либо нужно было отказаться от попыток вступить в социализм кавалерийской атакой и перейти к строительству экономики на основе закона планомерного развития хозяйства, добиваясь медленного, но неуклонного и стабильного роста производительных сил и на этой основе повышения жизненного уровня населения, либо осуществлять замыслы о быстром достижении национального величия Китая за счет новых жертв и лишений народа, замораживания низкого жизненного уровня. (Смысл второго пути хорошо выразил член Политбюро ЦК КПК Чэнь И, заявив, что «Китай будет обладать ядерным оружием, даже если китайцам придется остаться без штанов».)

Путь планомерного развития национальной экономики и построения великого социалистического Китая неизбежно предполагал восстановление и расширение сотрудничества с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Но этот путь был сопряжен с необходимостью признать ошибочным прежний курс, что было совершенно неприемлемо для Мао Цзэ-дуна, ибо повлекло бы за собой падение его престижа. Второй путь требовал дальнейшего усиления антисоветской вражды, дальнейшего ухудшения отношений с Советским Союзом, а для этого надо было окончательно разгромить и подавить оппозиционные настроения.

Судя по всему, Мао Цзэ-дун и группа его приближенных, которую возглавил министр обороны Линь Бяо, решили избрать второй путь. Но на кого они могли опереться в осуществлении политики, несостоятельность которой была очевидной и для партийного аппарата, и для рабочих и крестьян, на собственной шкуре испытавших плоды этой политики?

Партийные работники старшего поколения воспитывались не только на статьях и речах Мао Цзэ-дуна, они были знакомы с марксистско-ленинской литературой. Они сознательно вступили на путь революционной борьбы, прошли большую жизненную школу. Среди них, несмотря на антисоветскую кампанию, сохранились симпатии к Советскому Союзу, к КПСС и другим коммунистическим партиям, их труднее было обмануть заявлениями о сговоре Советского Союза с США, о «реставрации капитализма» в Советском Союзе. Понимали они и значение культуры для строительства социализма, необходимость овладения высотами современной науки и техники, лучше других видели пагубность и вред отказа от использования опыта социалистического строительства,

накопленного в братских странах. Не могли не видеть они и последствий ослабления экономических связей с социалистическими странами. Именно среди партийных работников, среди интеллигенции имелись люди, трезво и объективно оценивавшие положение страны, критически воспринимавшие лозунги, банкротство которых было уже засвидетельствовано жизнью.

Судя по материалам китайской печати, начиная с 1960—1961 годов Лю Шао-ци и его сторонники стали выступать все более активно за коренной пересмотр ошибочной политики Мао Цзэ-дуна. Лю Шао-ци считал неудачным эксперимент с народными коммунами и большим скачком, добивался возвращения крестьянам приусадебных участков, восстановления принципа материальной заинтересованности. Он считал, что «внутри страны классовая борьба уже в основном завершена» и что «теперь уже разрешен и вопрос «кто кого» — социализм или капитализм». Журнал «Хунци» обвиняет его и в том, что, по его мнению, «главная задача партии сводится к быстрейшему развитию производительных сил». Это в корне противоречило установкам Мао Цзэ-дуна, из которых вытекает, что «центральная задача коммунистической партии заключается лишь в том, чтобы вести классовую борьбу, осуществлять и укреплять диктатуру пролетариата», а «разглагольствование о так называемой «организации общественной жизни» и «развитии производительных сил» — все это мошеннические трюки старого ревизионизма».

Мао Цзэ-дун и его группа не доверяли партийному активу, не доверяли рабочим и крестьянам, более того, они боялись и партии и народа, опасаясь, что скрытое недовольство может перерасти в открытые выступления против нынешнего китайского руководства. Вот почему Мао Цзэ-дун ищет и находит опору для борьбы с оппозицией в армии, которая объявляется «наиболее послушным орудием партии и народа», «главным орудием диктатуры пролетариата».

В качестве ударной силы избирается школьная и студенческая молодежь, имеющая слабое представление об идеях социализма, о марксизме-ленинизме, о классовой борьбе, о целях революции и твердо усвоившая лишь одно: «Каждый, кто уклоняется от идей Мао Цзэ-дуна, — враг социализма».

Опираясь на армию, органы государственной безопасности и политически незрелую молодежь, Мао Цзэ-дун наносит удар по партийному и государственному активу, по интеллигенции с целью подавить силой оппозицию и, создав атмосферу террора, страха и всеобщей подозрительности, предупредить малейшее проявление недовольства в будущем.

Юноши и девушки, составившие костяк отрядов «красной охраны», имеют весьма туманное представление о том, что такое социализм и коммунизм, их не удовлетворяет скудная, бесперспективная жизнь, их энер-

гия ищет выхода, и на этом спекулирует Мао Цзэ-дун. Вызывает тревогу то обстоятельство, что эта полуграмотная молодежь, по крайней мере большинство ее, слепо верит в то, что ее руками творится великое светлое дело, что бесчинства, которые они совершают, способствуют пролетарской революции. Причем эта молодежь не имеет даже элементарного представления о том, что такое рабочий класс, она простодушно повторяет подсказанные сверху слова о том, что «хунвэйбины — это авангард пролетариата».

Действия этой молодежи, ее безнаказанность, слабость сопротивления, оказываемого ей, во многом объясняются тем, что в течение многих лет средний китаец приучался к тому, что Мао Цзэ-дун — непогрешимое божество. Да и противники Мао Цзэ-дуна вынуждены были, критикуя отдельные стороны его политического курса, в целом оставаться в рамках его «идей», при каждом удобном и неудобном случае божиться и клясться его именем. В такой атмосфере процветало беспринципное ханжество, политическое лицемерие, угодничество и фальшь. Создавались парниковые условия для засорения партийного и государственного аппарата людьми нечестными, подхалимами и карьеристами. Частые смены политических и экономических лозунгов с подчеркиванием неизменности и непогрешимости линии Мао Цзэ-дуна запугивали людей, которые уже не понимали, что может служить критерием истины.

Компартия Китая превращалась из организации сознательных единомышленников, политически грамотных и принципиальных борцов за воплощение в жизнь идей социализма в послушные «винтики», слепо выполняющие волю «великого вождя». Нарушения Устава КПК стали обычным делом, и никто не был в состоянии протестовать против этого. Нынешняя кампания преследует цель закрепить такое ненормальное положение, идущее вразрез с ленинскими нормами внутрипартийной жизни, на вечные времена.

Коллективный разум партии подменяется произволом одного человека. Из партии изгоняются все, кто пытался бороться за принципы марксизма-ленинизма, за ленинские нормы внутрипартийной жизни. В результате партия лишается возможности принимать участие в выработке политики, влиять и воздействовать на направление политического курса. Не созываются партийные съезды и конференции. Пленумы ЦК превращаются в формальные собрания, единственная цель которых — восторженное одобрение установок Мао Цзэ-дуна.

Китайский народ, китайских коммунистов хотят глухим забором отгородить от внешнего мира, от его влияния, с тем чтобы ничто не могло породить сомнения в «величии» и «непогрешимости» идей Мао. Маоцзэдунизм провозглашается «вершиной марксистско-ленинской теории», «высшим этапом в развитии марксизма-ленинизма», универсальным учением, с одинаковым успехом применяемым во всех областях науки и техники, производства и быта, культуры и искусства. Это учение должно, по мысли самого Мао, определять развитие Китая и всего мира в течение столетий и даже тысячелетий.

Кампания по возвеличиванию Мао Цзэ-дуна насквозь пропитана антисоветизмом. Великодержавный национализм, раз-

жигаемый в течение последних лет, ныне все больше и больше приобретает антисоветский характер.

Обожествление Мао Цзэ-дуна не дает возможности Коммунистической партии Китая извлечь уроки из ошибок, не позволяет с достаточной объективностью осмыслить пройденный путь, что создает условия для усугубления ошибок и ведет к новым поражениям.

«Культурная революция» — это результат неспособности китайского руководства во главе с Мао Цзэ-дуном разрешить острое противоречие между низким экономическим и культурным уровнем Китая и его положением как великой мировой державы. Как свидетельствует исторический опыт, это противоречие не может быть разрешено за несколько лет. Ведь речь идет о том, чтобы коренным образом перестроить социальную структуру общества, покончить с пережитками феодализма и капитализма, модернизировать сельское хозяйство и промышленность, поднять материальный и культурный уровень сотен миллионов людей, преодолеть мелкобуржуазную идеологию и психологию, внедрить в быт, в повседневную жизнь нравы и обычаи социализма. «Большой скачок» был продиктован стремлением искусственно преодолеть это противоречие. Эта попытка сорвалась.

«Культурная революция» — это новая попытка разрешить его с помощью прежних, уже обанкротившихся авантюристических методов. Насколько можно судить, замыслы группы Мао состоят в том, чтобы, законсервирав на много лет нынешний низкий жизненный уровень, обеспечив абсолютное господство «маоцзэдунизма», направить возможно большую часть национального дохода на развитие военно-технического потенциала, укрепление вооруженных сил и бюрократического аппарата, беспрекословно выполняющего указания Мао, какими бы нелепыми они ни были. По мнению руководителей КПК, это — единственный путь возрождения «великого Китая».

Нет никакого сомнения, что право великого семисотмиллионного китайского народа занять достойное место в международной жизни, играть выдающуюся роль в мировой политике законно и неоспоримо. Но поскольку речь идет о социалистическом государстве, его величие, его авторитет измеряются прежде всего величием его достижений в строительстве нового общества, непрерывным подъемом материального и культурного уровня трудящихся, их активным участием в политической жизни страны. Забыть об этом — значит забыть о социализме, превратить марксизм в уродливую карикатуру.

«Только социализм,—говорил В. И. Ленин,—даст возможность широко распространить и настоящим образом подчинить общественное производство и распределение продуктов по научным соображениям, относительно того, как сделать

жизнь всех трудящихся наиболее легкой, доставляющей им возможность благосостояния. Только социализм может осуществить это. И мы знаем, что он должен осуществить это, и в понимании такой истины вся трудность марксизма и вся сила его»¹.

Воспевание бедности, отказа от удовлетворения самых элементарных потребностей, и культурных и материальных, — все это призвано по замыслам Мао Цзэ-дуна превратить Китай в ядерно-ракетную державу при замораживании низкого уровня жизни населения. За последние годы резко сократились средства, отпускаемые на социально-культурные цели. Прекращено строительство школ, высших учебных заведений. Почти не строят жилых домов и больниц. Одновременно население призывают «не бояться лишений, трудностей, не бояться страданий и смерти», рабочему классу было заявлено, что будет «твердо осуществляться рациональная система низкой зарплаты».

Стремясь приучить население и особенно молодежь к мысли о правомерности и неизбежности трудностей и лишений, китайская печать, действуя в духе идей Мао Цзэ-дуна, утверждает, что «невозможно обойтись без трудностей», что они «создают благоприятные условия для революционной закалки», что трудности — это «большая печь, выплавляющая революционеров».

Одновременно усиленно пропагандируется мысль о том, что Китай стоит на пороге войны. Газета «Цзефанцзюнь бао» приводила весной 1966 года слова Линь Бяо о том, что «вся наша работа — это подготовка к войне», причем подчеркивала, что это относится не только к армии, но и ко всему народу.

В июне 1967 года премьер КНР Чжоу Энь-лай, по сообщению японской газеты «Асахи», заявил, что «главная цель культурной революции — это подготовка к войне».

Мао Цзэ-дун и другие инициаторы «культурной революции» высоко оценивают ее значение. По их мнению, во всей мировой истории никогда не предпринималось ничего похожего на затеянную ими кампанию. «Это величайший почин в международном коммунистическом движении, большое дело, которого никогда не знала история человечества и от которого зависит будущее мира и судьба человечества», — заявляет «Жэньминь жибао». Пекинские лидеры горделиво повторяют, что их действия «потрясли весь мир». «История еще не знала такой грандиозной по масштабам и такой глубокой по значению революции», — утверждает в своих передачах пекинское радио.

Мао Цзэ-дун и его приближенные не постеснялись заявить, что развязанная ими борьба за сохранение и укрепление своего господства в Китае далеко превзошла по своему историческому значению Великую Октябрьскую социалистическую революцию. По их мнению, Октябрьская революция не была доведена до конца, она якобы не смогла «разрешить целый ряд вопросов, таких, как вопрос «кто кого», вопросы защиты и укрепления диктатуры пролетариата, предотвращения реставрации капитализма, которая якобы происходит в Советском Союзе. Нелепость, и лживость подобных утверждений очевидны.

Китайская печать особенно подчеркивает значение «неслыханной революции» для усиления антиимпериалистической борьбы, для повышения революционной активности всех народов мира.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 86, стр. 361.,

Агентство Синьхуа 13 марта 1967 года претенциозно объявило, что будто бы «империалисты, в особенности американские империалисты, до смерти перепуганы великой культурной революцией в Китае... Они беспокоятся о том, что дух великой пролетарской культурной революции в Китае распространится во все районы мира, продвинет вперед революционную борьбу народов и тем самым ускорит их гибель». На самом же деле империалистов не только не пугают, а, наоборот, радуют события, происходящие в Китае. Американская газета «Вашингтон пост» 31 января 1967 года писала: «Китай перестал быть эффективной силой в мире».

Мао Цзэ-дун своими высказываниями о том, что он готов пожертвовать половиной населения Китая, ибо убыль можно быстро наверстать, своим постоянным прославлением войны, натравливанием одного народа на другой по существу играет на руку империалистам, дает им возможность обманывать людей, внушать им мысль о том, что от социализма, а не от капитализма исходит угроза опустошительной войны. При этом в Вашингтоне хорошо знают цену воинственным призывам Мао Цзэ-дуна и его приближенным. Империалисты на практике убедились, что угрозы Мао Цзэ-дуна — это «великое пустословие», которое способно только сотрясать воздух. Взять, например, события во Вьетнаме.. Ни для кого не секрет, что, отказываясь от сотрудничества и координации действий с социалистическими странами в деле помощи героическому вьетнамскому народу, Мао Цзэ-дун оказывает добрую услугу тем американским империалистам, которых он будто бы хотел утратить. Недавно один американский сенатор заявил: «Ясно, что поддержка Ханоя Пекином была преимущественно поддержкой с помощью длинного языка... Подлинный враг во Вьетнаме — Советский Союз». Другой сенатор сказал, что далеко ошибаются те, кто считает главным противником Соединенных Штатов Китай, и добавил, что «во Вьетнаме именно СССР является самым важным источником, из которого идут поставки средств, материалов и подготовленного персонала... Россия, а не Китай является главным поставщиком оружия для Северного Вьетнама».

Не может не радовать империалистов и антисоветская истерия, раздуваемая в Китае группой Мао Цзэ-дуна. Это поистине находка для всей империалистической пропаганды. Позорные действия хунвэйбинов, их антисоветские демонстрации, их провокации против советских дипломатов с ликованием были встречены в лагере империалистов, которые давно строили мечты и планы о подрыве советско-китайской дружбы и сотрудничества. Сейчас американские империалисты довольно потирают руки. Хунвэйбины действуют словно по заказу американского ЦРУ. Когда-то руководители Китая говорили, что «китайский народ никогда не простит и проклянет тех, кто попытается поссорить два великих народа — советский и китайский, разрушить основы советско-китайской дружбы». Мао Цзэ-дун и его приближенные, растоптав священное знамя этой великой дружбы великих народов, нарушают кровные интересы китайского народа, не считаются с его стремлениями и надеждами. Антисоветская деятельность маоцзэдуновской группировки может быть выгодна лишь империалистам — врагам и советского, и китайского народов.

Марксисты-ленинцы приходят к единодушному мнению, что Мао Цзэ-дун и его группа наносят огромный, непоправимый ущерб общепролетарскому делу, чернят и поганят светлые идеалы социализма и коммунизма.

Мировое коммунистическое движение, ведя решительную идейную борьбу против авантюристического курса группы Мао Цзэ-дуна, считает, что эта борьба отвечает и интересам китайских коммунистов, интересам китайского народа. КПСС и другие братские партии неизменно подчеркивают, что восстановление дружбы и сплоченности с Коммунистической пар-

тией Китая, с великим китайским народом составляет предмет их постоянных забот. И как ни стараются Мао Цзэ-дун и его группа изолировать китайское общество, закупорить его в душную камеру маоцзэдуновских идей, можно с уверенностью сказать, что все их старания в конечном счете потерпят крах. Об этом убедительно свидетельствует исторический опыт.